

Оливер Пётч
Крепость королей. Расплата
Серия «Крепость королей», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11646043
Крепость королей. Расплата / Оливер Пётч ; [пер. с нем. Р. Н. Прокурова] : Э; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-82006-1

Аннотация

Древняя крепость Трифельс некогда была сердцем Германии. Здесь держали в плену Ричарда Львиное Сердце. Здесь, по преданию, спит вечным сном в подземелье император Фридрих Барбаросса. И здесь же сокрыта страшная тайна, способная изменить судьбу всей Европы...

Жизнь Агнес фон Эрфенштайн, дочери наместника Трифельса, изменилась в один миг. Еще вчера гордая и свободолюбивая девушка охотилась в окрестных лесах и не знала горя. А сегодня отец ее погиб, сама она замужем за чужаком, давно стремившимся завладеть Трифельсом, и по всей округе полыхает война... Муж Агнес одержим мечтой найти в подземельях крепости несметные богатства германских кайзеров. Но сама она чувствует, что тайна, которую хранят древние стены, связана совсем с другим сокровищем, истинной хозяйкой которого является она, Агнес, и никто больше...

Содержание

Действующие лица	6
Глава 1	8
Глава 2	24
Глава 3	40
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Оливер Пётч

Крепость королей. Расплата

Oliver Pötzsch

Die Burg der Könige

© by Ullstein Buchverlage GmbH, Berlin. Published in 2013 by List Verlag

© Прокуров Р. Н., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»», 2015

* * *

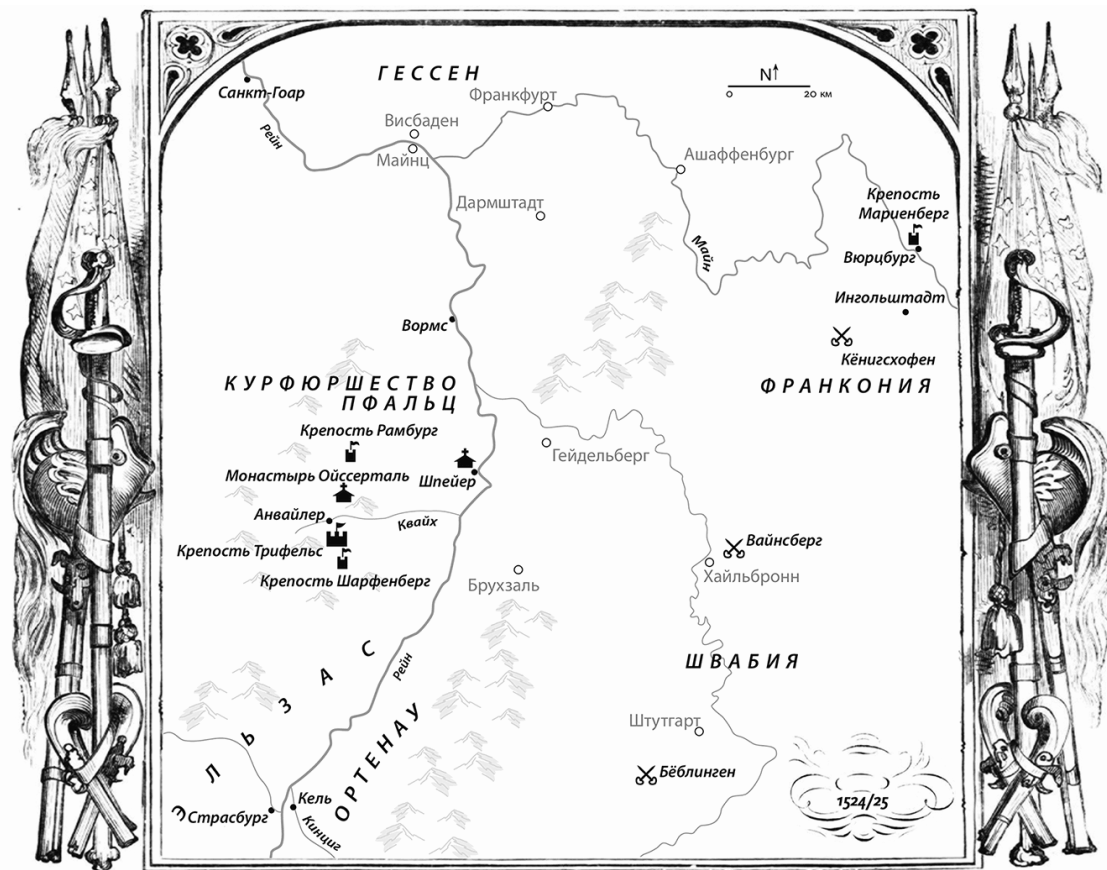
*Посвящается Катрин, Никласу в который раз. Вы – моя
крепость, куда я без вас!*

*Кайзер Барбаросса,
Почтенный Фридерик,
Подземным правит миром,
Под чарами сокрыт.*

*Он не погиб, не сгинул,
Живой по нашему дню,
Под крепостью забылся
Он в беспробудном сне.*

*Величие империи
Забрал с собою вниз...
Однажды он вернется,
Когда настанет миг.*

Фридрих Рюккерт «Барбаросса»

Действующие лица

Крепость Трифельс

Филипп Свирепый фон Эрфенштайн – рыцарь и наместник крепости
Агнес фон Эрфенштайн – его дочь
Мартин фон Хайдельсхайм – казначей
Маргарета – камеристка
Матис – сын кузнеца
Ганс Виленбах – замковый кузнец
Марта Виленбах – его жена
Мари Виленбах – их маленькая дочь
Хедвиг – кухарка
Ульрих Райхарт – орудийный мастер
Стражники Гюнтер, Эберхарт и Себастьян
Радольф – конюший
Отец Тристан – замковый священник

Анвайлер

Бернвард Гесслер – наместник Анвайлера
Эльзбет Рехштайнер – знахарка
Дитхельм Зеебах – хозяин трактира «У зеленого древа»
Непомук Кистлер – кожевник
Мартин Лебрехт – канатчик
Петер Маркшильд – ткач
Конрад Шперлин – аптекарь
Йоханнес Лебнер – городской священник
Пастух-Йокель – предводитель местного крестьянского отряда
Граф Фридрих фон Лёвенштайн-Шарфенек – владелец замка Шарфенберг
Людвиг фон Лёвенштайн-Шарфенек – его отец
Мельхиор фон Таннинген – бард

Прочие

Рупрехт фон Лоинген – герцогский управляющий замком Нойкастель
Ганс фон Вертинген – рыцарь-разбойник из Рамбурга
Вейганд Хандт – настоятель монастыря Ойссерталь
Барнабас – торговец девушками
Самуэль, Марек, Сопляк – артисты и головорезы
Матушка Барбара – маркитантка и целительница
Агата – дочь трактирщика и пленница Барнабаса
Каспар – агент с неизвестной миссией

Исторические фигуры

Карл V – император Священной Римской империи германской нации
Меркурино Арборио ди Гаттинара – эрцканцлер Карла V
Франциск I – король Франции
Королева Клод – супруга Франциска I
Трухзес Георг фон Вальдбург-Цайль – главнокомандующий Швабской армией
Гёц фон Берлихинген – рыцарь-разбойник, предводитель Оденвальдского отряда

Флориан Гейер – рыцарь и главарь «Черного отряда»

С апреля по июнь 1525 года

Глава 1

*Италия, крепость Пиццигеттоне
близ Паданской равнины,
5 апреля 1525 года от Рождества Христова*

Франциск I, король Франции, потомок могущественного рода Валуа, правитель страны, простирающейся от Атлантики до Средиземного моря, стоял у тюремного окна и плакал как ребенок.

Плакал он тихо, чтобы не давать четверым стражникам перед дверью повода для насмешек. Слезы ярости, скатываясь по щекам, жгли кожу. Больше всего ему хотелось разнести роскошное убранство камеры. Шелковую ширму, стол тончайшей работы из орешника со вставками слоновой кости, обтянутые дамастом стулья и серебряную клетку с двумя щеглами, которую ему поставили для развлечения. Но королю это не приличествовало. Даже будучи пленником, правителю должно сохранять достоинство.

Даже если на глазах его казнят вернейших сынов Франции.

Поджав губы, Франциск смотрел на внутренний двор. Там, преклонив колена, стоял в пыли шевалье Ги де Монтень. В свои тридцать лет рыцарь был одного возраста с королем. Франциск знал его по многочисленным турнирам и охоте. Монтень был хорошим бойцом и превосходным рассказчиком, чем в свое время скрасил королю немало часов. Вот рыцарь устремил прощальный взгляд на своего правителя. Франциск коротко ему кивнул, после чего по двору прокатилась барабанная дробь, и к пленному шагнул палач с длинным мечом. Он занес клинок, и сталь так ярко сверкнула в лучах полуденного солнца, что Франциск на мгновение зажмурился. А когда снова открыл глаза, голова шевалье уже лежала в пыли, и вокруг обмякшего тела растекалась лужа крови. Король отвернулся, стараясь сдержать рвотные позывы. Желудок его не переносил ни ломбардской еды, ни вида обезглавленных французов.

Вот уже почти три недели Габсбурги держали в плену французского короля, в крепости Пиццигеттоне близ Кремоны. Камера Франциска представляла собой просторную комнату, из которой открывался вид на пустынную Паданскую равнину. Ни решеток на окнах, ни тяжелых замков на дверях – в этом просто не было необходимости. Комната располагалась на последнем этаже крепостной башни на высоте почти двадцати шагов. Внизу, по обнесенному стенами внутреннему двору денно и нощно маршировали бесчисленные солдаты. Облаченные в начищенные доспехи и шлемы, вооруженные алебардами, они олицетворяли собой объединенную мощь империи Габсбургов. Едва ли не столько же солдат стерегли тесные лестницы башни. Несмотря на это, прошлой ночью три французских рыцаря попытались освободить своего короля. На рассвете они с поддельными печатями проникли в крепость под видом папских гонцов. Лишь в последний момент их постигла неудача: один из солдат узнал переодетых стражниками рыцарей по их провансальскому выговору.

Франциск поборол рвотный позыв и снова посмотрел во двор. Теперь коленями в пыли стоял шевалье Шарль де ла Морен.

– *Vive la France, vive la roi!*¹ – успел он прокричать, прежде чем палач точным ударом отделил голову от туловища.

Франциск невольно подивился работе императорского палача. Тот, точно хороший ремесленник, не причинял своим жертвам лишних страданий. Смерть их не шла ни в какое сравнение с тем, что довелось повидать французскому королю. В битве при Павии, в которой он более месяца назад попал в плен к Габсбургам, какой-то ландскнехт ранил в живот воена-

¹ Да здравствует Франция, да здравствует король! (фр.)

чальника Ла Тремуйля. Граф промучился целых три дня, прежде чем испустил дух. Маршал де Фуа истек кровью в плену – облаченный в сверкающие доспехи, он стал хорошей мишенью для испанских аркебузирова. Луи д'Арс, Сан Северин, Франсуа де Лорейн, Бониве... Все эти славные люди хотели спасти своего короля, однако перевес оказался на стороне противника.

Войны за итальянские города шли не первый год. Они символизировали соперничество между Габсбургами и французами за верховенство в Европе. Еще несколько месяцев назад казалось, что положение сил переменилось. Изменника Шарля де Бурбона удалось обратить в бегство под Марселем, Франция восстановила свои границы. Франциск I продвинулся до самого Милана, но при осаде Павии германский кайзер все поставил на карту. Карл V переправил через Альпы армию в двадцать три тысячи человек, которая и одолела французов в конце февраля. В гуще сражения под Франциском пала лошадь, и ему, точно какому-то нищему, пришлось прятаться в куче свеклы и молить о пощаде.

С тех пор французский король находился в плену у своего заклятого врага.

По двору снова разнеслась барабанная дробь. Франциск отвернулся и все же услышал вопль шевалье Огюста де Сонтье. Парню родом из Камарга едва исполнилось двадцать.

– *Vive le roi, vive...*

Крик оборвался, и Франциск понял, что палач закончил свое кровавое дело. Король перекрестился и направился в другую комнату, где для него устроили небольшой алтарь. Он преклонил колена, достал четки из слоновой кости и тихим голосом забормотал молитву. Монотонные литания помогли ему успокоиться. Монарх закрыл глаза и слился с Господом.

– *Notre Père qui est aux cieux! Que ton nom soit sanctifié; que ton règne vienne; que ta volonté soit faite...*²

Так прошла целая вечность. Затем из первой комнаты неожиданно донесся звук отодвигаемого засова. Дверь со скрипом отворилась, и Франциск услышал, как по паркету тихо зашуршали шаги. Неужели теперь они явились за ним? Неужели они осмелятся? Его, французского короля, – обезглавить? Франциск остался стоять на коленях, проклиная себя за дрожь, которая, точно в лихорадку, разошлась по всему телу.

– Отрадно видеть брата моего погруженным в молитву. Хотя мне неизвестно, молит он за все христианство или за спасение лишь собственной души.

Сказано это было на изящном французском, привычном в Бургундии и при дворе. Франциск сразу понял, кому принадлежал этот голос, хотя самого говорящего до сих пор знал лишь по портретам. Когда он развернулся, германский император подошел уже почти вплотную. Карл V был на несколько лет младше Франциска. Он был одет в красный камзол с белыми полосами, на руках – перчатки из тончайшего бархата. Выступающие глаза и чуть выдающаяся вперед нижняя челюсть придавали его облику сходство с молодой хищной рыбой.

– Всецело разделяю вашу радость.

Франциск поднялся с колен и сдержанно поклонился – так, словно не испытывал к собеседнику глубокого уважения. Несмотря на молодость, оба были самыми могущественными людьми во всем известном мире.

– Нам следовало встретиться гораздо раньше, – сказал император. – И сохранить тем самым множество жизней. Ведь все мы, как-никак, одна большая семья, не так ли? Братья... – Он сокрушенно покачал головой. – Но вы предпочли встречу с английским королем. Я бы вас сразу предупредил, что на моего дядюшку нельзя полагаться...

² Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое, да придет царствие Твое, да будет воля Твоя... (фр.) Неточность автора. Франциск I был католиком, а стало быть, должен был произносить слова молитвы на латыни.

Франциск вздрогнул. В их с Карлом противостоянии Генрих VIII действительно с изяществом менял союзников. При том что еще несколько лет назад Франциск принимал английского монарха в роскошном шатре из золотой парчи. Словно два брата, они мерились тогда силами в стрельбе из лука и борьбе... Гнусное предательство до сих пор терзало Франциску душу.

– Боюсь, в политике нет места ни дядюшкам, ни братьям, – пожал плечами французский король. – Лишь интересы.

Карл кивнул.

– Воистину, воистину.

Некоторое время оба хранили молчание. Издалека доносился звон церковного колокола. Наконец Карл V снова взял слово:

– Жаль трех ваших рыцарей, – сказал он тихо. – Но вы же понимаете, мы не могли этого так оставить. Нельзя безнаказанно водить вокруг пальца германского императора.

– Они пали храброй смертью. Господь их не оставит.

Франциск исподтишка разглядывал императора. Собеседник был бледен, невысок и на вид довольно невзрачен. И все-таки после победы под Павией Карл стал бесспорным владыкой Европы. В то время как Франциску приходилось довольствоваться лишь вторым местом. До сих пор все попытки изменить это оканчивались неудачей.

«Даже последняя, столь многообещающая вначале, – подумал он. – Мы были так близки!»

– Я слышал, кайзер склонен к соблюдению церемониала, – начал французский король, запинаясь. – Эта простая встреча для меня несколько неожиданна. Я рассчитывал увидеть вас на троне в Толедо или Вальядолиде. Тот факт, что вы проделали столь долгий путь до Италии, льстит мне.

Карл отмахнулся.

– Потом перейдем к изъявлениям преданности и спискам наших к вам требований. Но то, что я хочу сказать вам, достаточно важно, чтобы для начала обсудить это с глазу на глаз. Вы позволите?

Он галантным жестом указал на два обтянутых дамастом стула в первой комнате. Когда они устроились, кайзер взял кувшин вина и разлил по бокалам. Он долго собирался с мыслями, прежде чем продолжить.

– Для начала хотелось бы выразить вам сочувствие в связи с поражением под Павией, – пробормотал Карл, шевеля затынутыми в бархат пальцами. – Да, и в связи с кончиной вашей супруги Клод, что покинула нас прошлым летом.

– Благодарю, вы слишком добры.

Франциск нерешительно кивнул, не в силах разгадать, чего добивался молодой император упоминанием о почившей супруге. Страдания Клод закончились вскоре после последнего его визита в июне прошлого года. А вскоре умерла и его семилетняя дочь Шарлотта. Казалось, все королевское семейство было обречено на гибель.

– Королева навсегда останется в моем сердце, – добавил Франциск из приличия.

– И как, еще не думали о новой супруге? – мимоходом спросил Карл.

Он поднял бокал и глотнул вина. На мясистых губах заблестели багровые капли.

– Признаться, еще нет, – нерешительно ответил Франциск. – Но как только вы изволите освободить меня, я немедленно этим займусь.

Проклятье, к чему же ты клонишь?

Карл наклонился вперед и коснулся колена своего собеседника.

– У меня к вам предложение. Вы наверняка знаете мою старшую сестру Элеонору. Она, может, и не красавица, но чудесного нрава. Из всех сестер она у меня любимая.

– Как же не знать, – мрачно отозвался Франциск. – Вы же обручили ее с изменником Шарлем де Бурбоном. Лишь перспектива брака с императорской сестрой толкнула эту продажную свинью на предательство.

Кайзер отмахнулся.

– Политика, вы же знаете. Но помолвки хороши тем, что расторгнуть их можно так же быстро, как и заключить... – Он выдержал многозначительную паузу. – Одним словом, моя сестра ищет нового жениха.

Лицо Франциска застыло в невыразимом изумлении.

– Хотите... хотите, чтобы я женился на вашей сестре?

– А почему нет? Мы от этого только выиграем. Ребенок от данного брака смог бы править всем миром. И не исключено, что мы наконец оставим наши разногласия в Италии.

Франциск задумчиво кивнул. Голова пошла кругом от множества мыслей. Заключение брака с сестрой врага, возможно, способствовало бы примирению. Но в то же время это значило бы изъявление покорности. Карл оставался германским императором и тем самым становился неоспоримым повелителем Европы. Но что, если бы он, Франциск, отклонил предложение? Тогда он снискал бы славу разжигателя войны, препятствующего Карлу в установлении мира. Другими словами, предложение было столь же коварным, сколь и гениальным.

Надо потянуть время. Возможно, еще есть выход...

– Боюсь, мне нужно время на размышление, – ответил наконец король Франции. – Память о покойной супруге еще свежа.

– Разумеется, – Карл ревностно закивал. – Поэтому я и явился уже сейчас. Скоро в Испании состоится официальная аудиенция. Возможно, к этому времени воспоминание несколько поблекнет, – он выпрямился на стуле. – Желаю Вашему Величеству приятно провести время. Жаль только, что еще так холодно...

Тут кайзера словно осенило, и он помедлил в нерешительности.

– И вот еще что, – начал он тихо. – До меня дошли слухи, будто вы что-то знаете о кольце и старинном документе.

Франциск нахмурился.

– Каком кольце? И каком документе?

– Ну, документ, повествующий об одной старинной легенде. Говорят, с этим знанием вам открылись бы... скажем так, обходные пути.

Французский король попытался скрыть волнение. И все же веки предательски задрожали.

Так вот почему он так спешит выдать за меня свою сестру!

Франциск изобразил на лице непроницаемое простодушие.

– Боюсь, я не понимаю, о чем вы говорите.

– Очень жаль... я бы с удовольствием побеседовал с вами об этом. В особенности о том, как вы узнали о документе. Я ненавижу изменников, – кайзер вздохнул. – Но, что поделать, люблю эти старинные истории.

Он поднялся и разгладил бархатный камзол.

– Как бы то ни было, это всего лишь старинная легенда. Мой канцлер ею занимался, мы даже отправили своего агента. Он основательно потрудился, и, спешу вас заверить, уцепиться там не за что. В отличие от возможного брака с моей сестрой Элеонорой.

Император сдержанно поклонился и направился к выходу. Но у порога развернулся, явив взору украшенные перламутром сапоги.

– Я велю прислать вам одежду из Франции, – сообщил он с хмурым видом. – Не пристало королю ходить в этом непотребстве. *Au revoir*³.

Франциск прислушался к приветственным возгласам стражников за дверью и затихающим шагам. Чуть позже он увидел кайзера из окна. Одетый в простой плащ, он выехал со двора в сопровождении лишь нескольких рыцарей. Король наморщил лоб. Карл действительно предпринял долгое и опасное путешествие ради этой непродолжительной беседы. Значит, она имела для него большое значение.

Только чтобы пообещать мне в жены свою сестру?

Французский монарх беспокойно расхаживал по своей комнате и размышлял. Чего добивался Карл своим последним, казалось бы, случайным замечанием? В том, что кайзер выяснил, что Франциск знал о старинной легенде, не было ничего удивительного. Гораздо интереснее, почему он заявил об этом именно теперь, когда с делом давно было покончено. После долгих месяцев, проведенных в безуспешных поисках, французские агенты наконец покинули Васгау. Но Франциск цеплялся за легенду, как за последнюю соломинку. Такая красивая история просто не могла быть выдумкой. В случае успеха она перевернула бы не только его жизнь, но изменила бы судьбу Европы.

Спешу вас заверить, уцепиться там не за что...

Тут губы короля растянулись в тонкой улыбке. Противник допустил ошибку. Если легенда оказалась ложью, то с чего он вообще завел об этом речь? К чему эти высказанные вскользь заверения?

Чтобы лишить меня надежды, потому что на самом деле гонка еще не окончена?

Франциск вскочил со стула и поспешил к пюпитру. Следовало написать тайное послание, которое во что бы то ни стало должно было покинуть эту крепость. Да, трех отважных рыцарей настигла смерть. Но у короля оставались еще верные друзья, а главное – шпионы. Они вынесут его письмо и с ним приказ возобновить поиски по следам легенды...

Когда король, охваченный волнением, набросал несколько строк, ему стало ясно, что времени осталось совсем немного. Вероятно, уже через несколько недель Карл удостоит его официальным приемом и сообщит миру о своем предложении. И чтобы избежать брака с Элеонорой, Франциску необходимо представить общественности другое решение. Неожиданное и в то же время гениальное.

Франциск I сложил письмо и вдавил свою печать в расплавленный воск. После чего поднес листок к губам и поцеловал.

Французский монарх понимал, что это письмо, возможно, самое важное в его жизни.

* * *

В рыцарском зале крепости Шарфенберг, близ Трифельса, царил зловещая тишина. Лишь поленья потрескивали в камине, да громко чавкал за столом единственный гость.

Сидя у одного из окон, Агнес наблюдала за трапезой графа Людвиг фон Лёвенштайн-Шарфенека. Склонившись над столом, ее свекор терзал фаршированную оленью ножку. С треском ломая кости, нож впивался в кожу и плоть, стучал по серебряному блюду. Бритый подбородок Людвиг блестел жиром в свете факелов. Наконец граф вытер рот, довольно рыгнул и взялся за бокал вина – затем лишь, чтобы в следующий миг с отвращением отставить его в сторону.

– Это вино хуже лошадиной мочи. Лучшего ничего нет?

Старик скривил рот и вылил остатки красной жидкости на тростник под столом. Как и все Шарфенеки, он отличался редкостью волос и пронзительным взглядом, устрем-

³ До свидания (фр.).

ленным теперь на Фридриха, сидящего в кресле перед большим камином. Тот, уже, казалось, готовый возразить, лишь щелкнул пальцами. Из-за колонны выступил молодой слуга и низко ему поклонился.

– Принеси нашему гостю нового рейнского вина, которое доставили накануне, – приказал Фридрих бесстрастным тоном. – Крепкая пфальцская кровь ему даже в такой холод не по нраву. Может, прохладное белое придется ему по вкусу... Хотя сомневаюсь, при его-то ломоте в суставах. Но он не в том возрасте, чтобы слушать советы... – Он кивнул в сторону двери. – Вино внизу, на кухне. Ну, ступай. Или мне сначала пинка тебе дать?

Парень кивнул и поспешил прочь. В зале снова повисла тишина, которая пробирала сильнее, чем непривычный холод за окном. В первые дни апреля зима вдруг снова напомнила о себе, словно не желала признавать в этом году поражения. Вот уже целый час Агнес сидела у окна, наблюдала за метелью и время от времени листала «Парцифалья», отпечатанную на бумаге книгу поэта Вольфрама фон Эшенбаха, заказанную за немалые деньги в Вормсе. Все это время старый граф почти не разговаривал ни с ней, ни со своим сыном. Вместо этого он налегал на горячие паштеты, каплунов, перепелиные яйца и медовые печенья, прерываясь лишь на односложные поручения касательно перемены блюд.

С некоторых пор отношения между отцом и сыном заметно пошатнулись. Старик так и не простил Фридриха за то, что тот женился на дочери простого наместника и переселился в полуразрушенную крепость. Хотя за последние месяцы Шарфенберг претерпел значительные изменения: обновили кладку, заново оштукатурили сырые места и заменили старые доски новыми балками. Но Людвиг I фон Лёвенштайн-Шарфенек, пусть внебрачный, но все же сын бывшего пфальцкого курфюрста, по-прежнему считал крепость ничем не лучше какой-нибудь хижины. Он потакал капризам Фридриха, самого младшего из пятерых своих детей, в надежде, что тот рано или поздно образумится. Но терпению его, похоже, подходил конец.

Агнес оглядела заново обставленный рыцарский зал и попыталась припомнить то время, когда покойный отец еще занимал Трифельс. Казалось, с тех пор минула целая вечность, хотя после его таинственной смерти не прошло и года: за жарким летом последовала прохладная осень, которую сменила морозная зима. Стены зала были увешаны новыми шкурами и гобеленами, по углам стояли окованные серебром сундуки и сверкали декоративные доспехи. Сверху в окружении роскошных оленьих рогов на Агнес неподвижно взирала набитая кабанья голова. Середину зала занимал громадный стол грушевого дерева, за которым поместились бы все рыцари Камелота. Но чаще за ним видели лишь молодого графа, погруженного в изучение старинных карт и книг. Фридрих так и не разыскал легендарные норманнские сокровища, хоть и изрыл все окрестности. Истомленный ожиданием и надеждами, он становился все раздражительнее. И неожиданный приезд отца уж точно не поднял ему настроения.

– У себя в Лёвенштайне мы пьем токайское и бургундское, – заявил Людвиг фон Лёвенштайн-Шарфенек, ковыряя пальцем в зубах. – Золотистое бургундское по тридцать гульденов за бочку! Представители герцогского дома чуть ли не каждую неделю почитают нас визитами! И чем занимается мой сын? Прячется в лесной глуши и ищет *сокровища*, как какой-нибудь мальчишка! Уже который год... Долго мне еще терпеть твои мечтания? – Он сплюнул на устланный тростником пол. – Ха! При гейдельбергском дворе над тобой уже потешаются.

– И ты приехал сюда, чтобы сообщить мне об этом? – парировал Фридрих. – Мог бы и посыльным обойтись.

– Я приехал, чтобы воззвать к твоей совести. Мать все глаза выплакала оттого, что младший сын, вероятно, умом тронулся, – Людвиг вздохнул и устремил на сына водя-

нистый взгляд. – Я говорил с герцогом, Фридрих. Мы в любой момент можем расторгнуть этот злополучный брак. Можешь хоть в наложницы взять эту женщину, но...

– Простите, ваша милость, но раз уж вы заговорили обо мне, *наложнице*... – перебила его Агнес.

Все это время она лишь молча слушала. Но и ее терпению пришел конец. Девушка захлопнула книгу и расправила плечи.

– Ваш сын женился не столько на мне, сколько на Трифельсе. Сомневаюсь, что он сможет забрать крепость к вашему двору, любезный *свекор*, – добавила она насмешливо.

Старый граф взглянул на нее лишь краем глаза, после чего вновь обратился к сыну:

– Фридрих, скажи своей жене, что ей должно молчать, пока ее не спросят! Я на твоём месте давно запретил бы ей чтение. Женщины становятся от него дерзкими и непокорными.

– Прежде всего, они становятся умными, – возразила Агнес. – Поэтому я знаю, что сын ваш ни за что не откажется от Трифельса. Не раньше, чем проникнет во все его тайны.

– Замолчи! – вскинулся на нее Фридрих. – Или я снова велю запереть тебя в комнате!

– Всяко лучше, чем зачехнуть в постели чахоточного тирана, – Агнес упрямо скрестила руки на груди.

Несколько раз молодой граф пытался сблизиться с ней ночью. Но Агнес всякий раз в грубой форме напоминала ему об их уговоре. Она понимала, что никогда в жизни не сможет разделить ложе с предполагаемым убийцей своего отца. Вскоре Фридрих оставил свои попытки и с тех пор довольствовался любовницами из числа служанок.

– Ха, и ты позволяешь ей такие слова? – съехидничал Людвиг. – Я бы на твоём месте давно мозги ей вправил.

Молодой граф собрался было с ответом, но тут со стороны лестницы донесся лязг и звон. Это юный слуга с подносом в руках поскользнулся на гладких ступенях. Украшенный самоцветами бокал подкатился к самым ногам Фридриха. По полу разлилась светлая лужа. Губы молодого графа сложились в две тонкие линии. Как и всегда в моменты ярости, голос его звучал тихо и резко.

– Ах ты... болван неуклюжий! – прошипел Фридрих. – Да я на тебя собак за это натравлю, кожу сдеру. Ты пожалеешь, что...

– Я сама принесу нашему гостю вина, – перебила его Агнес. – Так будет быстрее.

Она встала от окна, подобрала лежащий на полу бокал и умело вытолкала трясущегося слугу.

– Уверена, господа без меня не заскучают.

И, прежде чем Фридрих успел как-то возразить, скрылась вместе со слугой на лестнице.

– Спа... спасибо, госпожа, – прошептал юноша. Ему было не больше тринадцати. – Как мне вас...

– Отправляйся во двор и накорми моего сокола, – ответила Агнес с улыбкой. – Только смотри, миску не урони, иначе Парцифаль тебе оттяпает палец. Разозлить его так же просто, как моего супруга.

Слуга с облегчением устремился к выходу. Агнес проводила его взглядом, после чего направилась на кухню.

Шагая по низким, увешанным коврами коридорам, она размышляла над тем, как изменилась ее жизнь за последние месяцы. Свадьбу справили еще в июле, в часовне Трифельса. Отпраздновали это событие довольно скромно. Приглашены были всего пятнадцать человек, большую часть которых составляли низшие дворяне, вассалы графа. Они насмешливо озирались в сырых, затхлых комнатах. С тех пор Агнес бывала в Трифельсе крайне редко.

В крепости Шарфенберг Фридрих поместил ее в золотую клетку. Он покупал ей кучи книг, велел отделать ее покои дамастом и шелком. Агнес носила лучшие платья и дорогие украшения. Армия слуг подносила ей еду на серебряных блюдах. Теперь она была не просто дочерью наместника, а настоящей графиней. Бывшая камеристка Маргарета умерла бы от зависти. И все-таки Агнес чувствовала себя как муха, заточенная в кусочке янтаря. Дни протекали словно в тумане. Тоска по умершему отцу по-прежнему тяготила душу.

И сновидения больше не повторялись.

С тех пор как Агнес покинула Трифельс, юный рыцарь Иоганн фон Брауншвейг и таинственная незнакомка, глазами которой она заглядывала в прошлое, больше ее не посещали. Чары Трифельса казались разрушенными, и ничто не могло их восстановить. Теперь о них напоминало лишь загадочное кольцо, которое Агнес прятала в шкатулке под кроватью и доставала лишь от случая к случаю.

В таком подавленном состоянии девушка прошла на большую кухню, расположенную на первом этаже крепости. Перед дымящим очагом, над которым нависал громадный, покрытый копотью дымоход, стояла старая Хедвиг и ставила на треногу медный котел. Кухарка была единственной, кто остался у Агнес из старых знакомых. Стражники Гюнтер и Эберхарт продолжали нести службу в Трифельсе. Орудийщик Райхарт сбежал и присоединился к мятежникам. А отец Тристан давно отправился в Ойссерталь по просьбе настоятеля Вейганда и помогал ему с бумажной работой.

У Агнес кольнуло в груди при мысли о человеке, самом близком из всех и в то же время недостижимом.

Матис...

С тех пор как друг детства сбежал из Анвайлера, Агнес его больше не видела. Поговаривали, он, как и Райхарт, примкнул к повстанцам, которых в последнее время становилось все больше. До Агнес доходили слухи, что крестьяне уже почитали юного оружейника одним из своих предводителей. Ее маленького, несмышленного, упрямого Матиса... Давно ли они детьми играли вместе в лесу? Сколько...

– Что у тебя, дитя мое?

Голос Хедвиг вырвал ее из мрачной задумчивости. Агнес подняла глаза и встретила озабоченный взгляд дородной кухарки. Хедвиг вздохнула.

– Ты день ото дня все бледнее! Тебе надо больше есть, тогда все наладится, вот увидишь. Господь к нам милостив, уж ты не сомневайся... – Кухарка кивнула и продолжила болтать, помешивая в котле над огнем: – Крестьяне там мерзнут и голодают, всюду царят грабежи и убийства, хоть караул кричи! Благодарить нужно Бога за то, что можем у очага согреться и с голоду не умираем, да.

– Уж лучше на холоде в борьбе сгинуть, чем с обиралой под одной крышей в тепле жить, – мрачно отозвалась Агнес.

– Ох, только перед графом такого не говори! – покачала головой Хедвиг. – Не забывай, Агнес, ты теперь графиня. С простым народом тебе уже не по пути.

– Ах, Хедвиг, – вздохнула Агнес. – Я помню, как ты мне, еще малютке, разламывала свежий хлеб и намазывала медом... – Она усмехнулась. – И когда я грязь на кухню заносила, ты ругалась на чем свет стоит... А теперь должна вдруг называть меня графиней? Нет, этому жизнь меня не учила.

– Жизнь еще многому вас научит, сударыня.

Агнес повернулась на голос. На кухню через низкий портал вошел Мельхиор фон Таннинген с Парцифалем на затянутой в перчатку руке. Сокол был без клобучка и вел себя спокойно, словно держала его Агнес.

– Во дворе мне повстречался слуга и заявил, будто графиня сама взялась подать вино гостю, – сказал менестрель с улыбкой. – Если слух об этом расплзется, то скоро и пастух в Анвайлере попросит вас почистить ему сапоги.

– Слуга случайно разлил вино, – ответила Агнес нерешительно. – Вы же знаете моего супруга. Вот я и решила, что мальчишке лучше пока не попадаться ему на глаза... – Она смерила барда недоверчивым взглядом. – Что вы вообще делаете с моим соколом?

– Он клекотал. Видимо, истосковался по хозяйке. К тому же он скоро начнет линять. Вот, посмотрите, – Мельхиор показал несколько серых, растрепанных перьев. – Ему бы полетать немного в морозном небе, пока он совершенно не утратил вида. Что скажете? – Менестрель поклонился. – Сочту за счастье завтра же сопроводить благородную графиню на охоту и скрасить ее уныние.

Агнес невольно улыбнулась. Прогулки с Мельхиором действительно скрашивали ее безрадостное существование. Менестрель прилагал все усилия, чтобы приободрить ее. Когда они выезжали с Тарамисом, отцовским конем, бард рассказывал ей истории о нибелунгах или напевал грустные баллады из тех, что готовил к состязанию певцов в Вартбурге грядущей осенью. В первый же год знакомства Мельхиор стал для Агнес верным другом. Его старомодные манеры и вычурная речь неизменно вызывали у нее улыбку. Вот и теперь девушка не удержалась и хихикнула.

– Что ж, благородная графиня сочтет себя не менее счастливой отправиться с вами на охоту, – ответила она с деланой чопорностью. И тут закрыла рот ладонью. – Господи, вино! Я и думать про него забыла. Свекор там, наверное, рвет и мечет.

– Позвольте, я все улажу.

Мельхиор осторожно пересадил сокола на край горшка. Потом взял чистый бокал и налил в него немного рейнского вина из бочки.

– Это удел певцов, терпеть проклятия и ругань. Разом больше или меньше, значения не имеет.

Он подмигнул Агнес и направился к лестнице, ведущей в большой зал.

– Хороший человек, – пробормотала Хедвиг, когда менестрель удалился. – Такой галантный, и язык подвешен... По мне, вот только мелковат немного.

Агнес рассмеялась.

– Мелковат, уж точно. Зато сердце большое.

Она вдохнула запах густого супа на огне и только теперь заметила, до чего проголодалась. Села за стол перед дымящейся миской и жадно принялась за еду.

Она была в тысячу раз вкуснее всей той снеди, которой граф набивал живот посреди холодных стен рыцарского зала.

* * *

Снежные хлопья медленно кружились над лесной поляной и превращали многочисленные палатки и покосившиеся хижины в одинаковые белые холмики. Матис стоял у ржавой, побитой наковальни и колотил молотом по искривленному дулу аркебузы. Удары звонном зауспокойного колокола разносились над площадкой. Даже возле огня пальцы коченели, и ствол не получалось раскалить до нужной температуры. В конце концов юноша не выдержал и отшвырнул железку. Окутанная клубами пара, она с шипением погрузилась в сугроб.

– Как от козла молока! – ругнулся оружейник. – Без нормального горна хорошего жара не получить. Можно аркебузами вместо дубин размахивать, толку больше!

– Наберись терпения, – одернул его Ульрих Райхарт, раздувая огонь мехами. – Еще немного, и жара было бы достаточно. Нормальную кузню мы тебе посреди леса тоже не достанем, сам понимаешь. Теперь придется начинать сначала!

Он ворчливо поднял ствол из снега и снова сунул в жаровню.

– Да что с тобой такое, Матис? Ты уже который день ходишь злой, как леший. Люди головы втягивают, когда мимо тебя проходят.

– Что с того, – проворчал парень и расшвырял пепел кочергой. – Болтать я все равно не в настроении. Другие, впрочем, тоже...

Он обвел мрачным взглядом поляну, приютившую около сотни мятежников. Они устроили лагерь в укромной долине близ небольшого селения Димбах. От Анвайлера их отделяло всего несколько миль. Люди грудились у небольших коптящих костров, закутанные в шкуры и рваные одеяла. Они точили косы и рогатины, ели жидкую похлебку из желудевой муки и вполголоса переговаривались. Кто-то играл на скрипке, но желающих спеть или сплясать не находилось. Воодушевление, которое царило здесь еще несколько недель назад, сменилось гнетущей апатией. Холод пробирал людей насквозь, и в их душах крепло отчаяние.

Осенью все обстояло так, словно это лишь вопрос времени, когда крестьяне поднимут восстание по всей Германии и освободятся от гнета тиранов. Хегау, Альгой, Шварцвальд, Франкония, Эльзас и Тюрингия – всюду собирались отряды тех, кто решил бороться против растущих налогов, запретов на охоту, похоронных сборов и прочих притеснений со стороны знати. Все земли вокруг Бодензее были охвачены волнениями. По слухам, тысячи крестьян собрались под знаменами свободы. Но уже несколько недель до них не доходило никаких вестей. Очевидно, волна восстаний до Пфальца просто не докатилась. И вот они ждали здесь изо дня в день и медленно замерзали. Зиме, казалось, не было конца, и некоторые уже начали возвращаться по деревням. Те же, кто оставался, питались желудями и кашей из буковых орешков; временами попадались тощие зайцы или белки.

– Ждать больше нельзя, – вполголоса проговорил Матис, словно самому себе. – Мы обещали крестьянам свободную жизнь, но в деревнях им жилось гораздо лучше, чем здесь.

– Йокель утверждает, что у Рейна наш брат уже спалил несколько замков и монастырей, – возразил Райхарт. – Он говорит, что ждать осталось недолго.

– Йокель мастер языком чесать. Речи толкать умеет, а вот много ли в них правды, это уже другой вопрос.

Матис сплюнул в огонь и снова принялся выстукивать по железу. Размеренный шум помогал ему хоть немного успокоиться. Всеобщая борьба против знати и церкви действительно казалась ему все более безнадежной. Ко всему прочему в последнее время юноша стал чаще вспоминать Агнес. Они не виделись уже почти год. Лишь время от времени Матис узнавал от лоточников и беглых слуг о том, что происходило в Трифельсе и Шарфенберге. Агнес была теперь графиней, жила в роскоши и, похоже, была этим вполне довольна. Вспоминала ли она его, бывшего кузнеца и ныне отверженного? В душе его кипела злость. А к злости примешивалось чувство, которому он лишь недавно нашел определение.

Любовь.

И очень многое объединяло эти чувства.

Тут до него донеслись громкие возгласы и приветственные крики. Матис рад был отвлечься. Он поднял голову и увидел, как к нему приближается группа мужчин. Когда они подошли ближе, Матис узнал Пастуха-Йокеля. Но с ним были еще несколько человек, которых он прежде не встречал. Они держались на некотором расстоянии от горбатого, кривого пастуха – то ли из почтения, то ли из отвращения.

Матис выжидательно смотрел на предводителя их маленькой продрогшей армии. Свои лохмотья Йокель успел сменить на широкие солдатские штаны и багровый камзол, поверх которого был накинута плащ, подбитый медвежьим мехом. Голову, точно корона, венчал рва-

ный бархатный берет, украшенный петушиными перьями. Справа и слева от пастуха шагали Янсен и Паулюс, бывшие бродяги из Бадена, которые представлялись его телохранителями.

– Дорогу главарю! – кричали они и растолкали нескольких крестьян, что устало жались друг к другу в засыпанной снегом промоине. – Сказано, прочь с дороги!

Вооруженные копьями и в ржавых шлемах, скорее всего, где-то украденных, телохранители словно сошли с карикатуры на отважных паладинов.

– Вот он, мой верный оружейник, – сообщил Йокель незнакомцам, властным жестом указывая на Матиса. – Поверьте, лучшего орудийщика вам до самого Боденского озера не сыскать. С Матисом мы этих рыцарей и священников, как клопов, из замков и монастырей выкурим.

– Орудийщик без орудий, как я посмотрю, – насмешливо заметил один из незнакомцев.

Он был самым старшим, широкоплечий, с острым взглядом и одетый, как подобало честному ремесленнику. Матис решил, что у себя в селении он был старостой. Мужчина кивнул на кривой ствол, оставленный в огне.

– Из этого едва ли получится хорошая аркебуза. Я сам кузнец и знаю, о чем говорю.

– У нас их целый арсенал, – холодно ответил Йокель. – А это – лишь трофей; может, еще послужит. Верно же, Матис?

Юноша едва не рассмеялся, так нагло врал пастух. В действительности они располагали тремя аркебузами и ржавым фальконетом. К ним следовало прибавить кучу кос, цепов и рогатин, а также несколько изношенных арбалетов. Назвать все это *арсеналом* мог лишь безумец, страдающий от мании величия. Матис нахмурился. За последние месяцы восхищение их предводителем уступило место возрастающему недоверию. Йокель вел себя как какой-нибудь король, к свержению которых сам же и призывал.

– Можешь встать рядом и помешать угли, кузнец, – вскинулся Райхарт на старосту. – А там посмотрим, может, на что и сгодишься. Нос-то я тебе всегда свернуть успею.

Пастух-Йокель примирительно вскинул руки.

– Не нужно ссор! Эти люди принесли благие вести.

Он выдержал театральную паузу и возвысил голос:

– Крестьяне из Дана и Вильгартсвизена наконец восстали! Они направляются сюда, чтобы примкнуть к нашему отряду. В Ландау, что в долине Рейна, тоже неспокойно. Теперь наш черед действовать!

Матис не смог скрыть удивления. Новости действительно были хорошие.

– Сколько вас? – спросил он у старосты.

– Сотня. Может, и больше на дюжину-другую, – торжественно ответил гость. – И каждый день примыкают новые! Суровая зима и голод делают свое дело. Крестьяне больше не хотят сносить притеснения вельмож.

Йокель подле него довольно потирал руки.

– Вот оно, наконец-то! – воскликнул он. – А ты сомневался, Матис! Знаю, что сомневался, по тебе и видно было. А кто в итоге оказался прав?

– Вздор, – проворчал юноша и смахнул прядь рыжих волос со лба.

Лоб его пересекал длинный шрам – память о ранениях, полученных в битве за Рамбург. Он придавал суровости и без того мрачному облику оружейника. Матису не нравилось, когда Йокель заговаривал с ним в такой манере. Ему все больше казалось, что горбун видит в нем соперника. За этот неполный год Матис заметно вырос в глазах крестьян, и ко всему прочему его самоуверенность даже взрослых мужчин ставила в тупик.

– И когда вас можно ждать? – спросил Матис у посланника из Дана.

– Через неделю, наверное. Хотим еще подождать нерешительных. Гонцы ходят от одного селения к другому, а мы пока прячемся в лесах, – тут староста усмехнулся. – Герцог назначил награду за мою голову. Ну а мы – за его.

– Тогда нужен новый лагерь, – заметил Матис. – На этой поляне слишком мало места. Нужно настроить хижин, заготовить дров. Иначе половина людей околеет, прежде чем вступит в бой.

Староста из Ландау напустил на себя задумчивый вид.

– Ну, возможно, что в бой вступить и не придется, – начал он нерешительно.

– Как это понимать? – потребовал Йокель объяснений. – Говори!

– Говорят, в швабском Меммингене крестьяне встречались с дворянством. Из Бальтринга, Альгоя, Зее, от всех отрядов было по предводителю! Знать готова идти на уступки, – староста протянул Йокелю смятый листок бумаги. – Вот, сейчас по всей Германии рассылают. Здоровые вещи там расписаны. Оброк решено отменить, священников сможем выбирать сами, и охоту снова разрешат.

Йокель взял листок и, морща лоб, просмотрел отпечатанные мелким шрифтом строки. Будучи пастухом, он сам денно и нощно осваивал чтение, однако оно по-прежнему давалось ему с трудом. Но горе тому, кто посмел бы над этим потешаться! Пока Йокель шевелил губами, вчитываясь в документ, вокруг царило молчание. Наконец он поднял глаза и ловко разорвал листок на мелкие кусочки, которые вперемешку со снежными хлопьями медленно опустились на землю.

– Ха, пустые обещания, – заявил он упрямо. – Они умасливают нас, пытаются отправить обратно по своим хибарам, чтобы потом обобрать до нитки... – Пастух оглядел собравшихся, телохранители кивали с особенным рвением. – Они боятся! *Вот* что значат эти переговоры. Настоятели, рыцари, графы, вся знать наложила в штаны! Теперь нам тем более нельзя отступать ни на шаг!

– А если они действительно хотят договориться? – вставил Матис.

Йокель смерил его насмешливым взглядом.

– Ты серьезно в это веришь? Веришь, что они добровольно откажутся от богатого прихода и десятины?

– Не от всего, конечно. Но может, стоит хотя бы послушать, что они скажут...

– Ха, конечно! – язвительно рассмеялся Йокель. – Отправляйся в Мемминген и слушай себе. Развесь уши, а они пока соберут ландскнехтов... – Он доверительно понизил голос. – Им нужно время, как ты не понимаешь, Матис? Большинство императорских солдат еще сражаются в Италии. Дворяне идут на уступки, а сами уже готовят нам погибель. Но мы этого не потерпим! Мы не безмозглые овечки, чтоб отправляться на убой. Мы борцы, и победа будет за нами!

Тем временем вокруг них собиралось все больше любопытствующих крестьян. Телохранители с властным видом оттесняли тех, кто слишком наседали на их предводителя. Тут и там раздавались приветственные выкрики.

– Пора перейти к действию! – воззвал Йокель к толпе. – Нужно показать этим попам, этим настоятелям и герцогам, что нас не одурачить! Покажем нашим союзникам, что скоро примкнут к нам, из какого мы теста! Вы готовы?

Толпа поддержала его нестройными криками. Глаза у Йокеля загорелись, и он продолжил:

– Тогда спалим монастырь Ойссерталя! Эти жирные попы давно сидят у нас бельмом на глазу. Нужна одна-единственная искра, чтобы окрестности запылали, и искрой этой станет Ойссерталя! Нашим друзьям должно оказать достойный прием. Монастырь станет пристанищем крестьянской армии! Церковь послужит нам сараем, а погреб настоятеля – трактиром! Ну, как вам это нравится?

Крестьяне смеялись и орали. Многие потрясали копьями и косами: по всей просеке расходились ошетиненные волны.

– Ура Пастуху-Йокелю! Ура! – ликовали они.

Предводитель удовлетворенно кивнул. Затем взглянул на Матиса, и по лицу его скользнула едва заметная улыбка.

– Этого ты хотел, Матис? – произнес он уже спокойнее. – Безопасного пристанища для нашей будущей армии? Спасибо, что навел меня на эту мысль. Продолжай в том же духе, и я назначу тебя своим заместителем.

Матис прикрыл глаза. Вывать к толпе сейчас бессмысленно. Даже поначалу скептически настроенные послы из Дана и Вильгартсвизена присоединились к общему ликованию. Своим заявлением Йокель в считанные мгновения вернул едва не утраченное лидерство.

В отличие от окрестных замков, захватить Ойссерталь не составляло труда. При этом он был очень удобен в плане обороны. Монастырь обеспечит им защиту, а его захват означает собой начало борьбы. Ведь именно этого Матис ждал с таким нетерпением.

Но теперь он задумался о многочисленных монахах. Настоятель Вейганд, может, и свинья, но как быть с добрым братом Йоргом – привратником, которому Матис в прошлой жизни часто носил подковы для двух монастырских лошадей? Как быть с молодыми послушниками? По крайней мере, отец Тристан находился в безопасности, оставаясь в Трифельсе... Матис вздрогнул.

А может, мы и Трифельс потом захватим? Что тогда будет с Агнес?

– Смерть священникам, долой дворцы! – ревела толпа.

Даже старый Ульрих присоединился к хору. Один Матис молчал.

Он опустил молот на раскаленный ствол аркебузы, чувствуя на себе недоверчивый взгляд Йокеля.

* * *

На следующий день Фридрих фон Лёвенштайн-Шарфенек стоял на краю колодезной башни Трифельса и напряженно всматривался в черную дыру у себя под ногами. Из колодца доносились всплески и шорох, затем последовал приглушенный окрик. Два стражника взяли за скрипучий ворот, и через некоторое время из тьмы показался привязанный к длинной веревке человек в одной лишь набедренной повязке. Он стучал зубами, кашлял и отплевывался водой и соплями.

– Ну? – нетерпеливо спросил Шарфенек. – Нашел что-нибудь?

Мужчина помотал головой, разбрызгивая воду, точно промокшая дворняга.

– Нет, ваша милость. Я руками все дно обшарил. Одни только камни, старые доски да несколько ржавых монет. Господь свидетель!

– Так поищи получше, черт бы тебя побрал! Что-то там все равно есть. Все записи указывают на это!

– Прошу вас, господин! – взмолился продрогший мужчина из числа доверенных солдат Фридриха. – Я продрог до костей. К тому же там темно, как в аду. Черт знает, что за чудовища...

Голос его понемногу замирал: двое его товарищей снова взяли за ворот, и солдат, отчаянно жестикулируя, скрылся во мраке. По их лицам ясно читалось, что даже годовое жалованье не заставило бы их поменяться местами с товарищем.

– А это не слишком? – спросила Агнес. Скрестив руки, она прислонилась к стенке выстроенной над колодцем будки и следила за удаляющимся силуэтом бедняги. – Он шарит там уже целую вечность. Ты его в четвертый раз туда отправляешь. До грунтовых вод восемьдесят шагов, еще немного, и он окоченеет!

Агнес показала на капающие сосульки, свисавшие с лебедки. В последние дни хоть и начало таять, но даже теперь, в полдень и при ясной погоде, холод пробирал до костей.

– Сколько раз тебе говорить, чтобы ты не лезла в мои дела! – огрызнулся Фридрих. – Да и что ты в этом понимаешь? Я не первый год изучаю эту крепость! Колодезная башня – одно из старейших строений Трифельса. Она стоит здесь с тех самых пор, как император Генрих доставил сюда сокровища норманнов. Лучшего укрытия не найти!

– Если здесь вообще когда-нибудь прятали сокровища, – съязвила Агнес. – Я все больше склоняюсь к мысли, что это лишь легенда. Как и все прочее, что связано с Трифельсом.

– Думай себе, что хочешь, только избавь меня от своей болтовни, женщина!

Тут граф развернулся к скалящимся стражникам, которые стали свидетелями семейной сцены.

– А вам, дурням, скоро не до ужимок будет, – пригрозил он. – Если ваш товарищ поднимется без хороших вестей, будем вычерпывать воду. Посмотрим, как вы запоете.

Один из стражников в ужасе взглянул на господина.

– Но, ваша милость, неизвестно, сколько там воды... На это недели могут уйти!

– Да хоть целая вечность! – вскричал граф. – Мы не отступимся. Где-то ведь они должны быть, эти чертовы сокровища!

Агнес со вздохом оставила супруга в башне и двинулась по ветхому мосту во внутренний двор. Она успела узнать Фридриха. В нынешнем его настроении спорить с ним было бессмысленно. Даже его отец вынужден был это осознать и сегодня утром уехал ни с чем. Фридрих с детских лет был одержим сокровищами норманнов, провел немало бессонных ночей за старинными документами, а два года назад даже совершил путешествие в Апулию. В последнее время упрямство графа лишь возрастало. Он обыскал все окрестные скалы вокруг Трифельса, включая несколько брошенных медвежьих берлог и десяток разрушенных сторожевых башен. Колодезная башня Трифельса была его последней надеждой, и Фридрих отчаянно за нее цеплялся.

С крепостной стены открывался вид на новый дом Агнес – крепость Шарфенберг, оштукатуренную теперь белым и красным. Между молодым графом и его супругой царил некто вроде перемирия. Без свидетелей Фридрих охотно шел навстречу предложениям Агнес. Таким образом она позаботилась о том, чтобы обновления коснулись не только Шарфенберга, но и Трифельса. Временами граф даже проявлял очарование, заказывая для Агнес книги из Шпейера и не запрещая ей ни охоту, ни любимые брюки.

При этом Агнес не забывала, что, скорее всего, именно Фридрих фон Шарфенек вероломно убил ее отца. Властолюбивый фанатик, он не ведал угрызений совести, особенно когда дело касалось легендарного сокровища норманнов. Агнес иногда казалось, что одержимость Фридриха медленно перерастала в помешательство. Сама она сомневалась, что кайзер Генрих спрятал в крепости хотя бы часть сокровищ. Скорее всего, деньги просто истратили с течением времени.

Неожиданно для себя Агнес решила навестить стражников Гюнтера и Эберхарта. Она уж и забыла, когда в последний раз была в Трифельсе. Стражники, как это часто бывало, сидели, закутанные в худые плащи, на ступенях к внутреннему двору и играли в кости. Завидев Агнес, оба вскочили и встали по стойке «смирно».

– При...приветствуем, госпожа графиня, – проговорил Гюнтер и низко поклонился. – Рады вас видеть.

Агнес улыбнулась. Ей вспомнилось, как еще пару лет назад эти же люди таскали ее за уши.

– Будет тебе, Гюнтер, – ответила она. – Не наклоняйся так, твоим старым костям от этого мало пользы. Скажи лучше, как в крепости дела.

– У Трифельса кости куда старше моих будут, – ухмыльнулся в ответ стражник. – Дела в крепости пошли на лад, с тех пор как ее подновить решили, – тут лицо его стало серьезным. – И все ж таки не то, что раньше, когда ваш отец был жив.

Агнес кивнула. Остальные по-прежнему считали, что Филипп фон Эрфенштайн умер от гангрены. Кроме нее и отца Тристана, никто не знал о предположительном убийстве. Девушка снова исполнилась ненависти к супругу.

«Самого бы его отравить, как он моего отца отравил! – пронеслось у нее в голове. – Только смелости не хватает...»

Агнес заметила нерешительность в глазах стражников и поняла, что слишком долго простояла в молчании.

– Я... пожалуй, осмотрюсь там немного, – сказала она запинаящимся голосом, чтобы лишний раз не смущать стражников. – Похоже, я немного истосковалась по родным местам.

– Понимаю, графиня. Не заплутаете там?

– В себе разве что, – мрачно ответила Агнес.

Стражники с поклоном расступились, и девушка прошла по ступеням во внутренний двор и оттуда в крепостную башню. Повинуясь некоему внутреннему зову, она поднялась на третий этаж и остановилась перед дверью в библиотеку. Несколько долгих месяцев прошло с тех пор, как она заходила сюда в последний раз. Агнес повернула ручку, и дверь бесшумно отворилась. Запах старого пергамента, пыли и лежалой бумаги встретил ее, как старый друг. Взгляд скользнул по многочисленным книгам и свиткам, разложенным по полкам вдоль стен. Погруженная в мысли, Агнес закрыла глаза. Как часто она сидела тут у печи, читала и забывала об окружающем мире! Девушка вспомнила об отце Тристане, и жгучая тоска стиснула горло. Вот уже несколько недель она не виделась с капелланом.

Без всякой цели Агнес подошла к одной из полок и провела рукой по корешкам. Хронику Трифельса Фридрих забрал с собой в Шарфенберг, как и несколько других работ, в которых чаял найти сведения о сокровищах норманнов. Но и теперь книг было достаточно, чтобы скоротать не один зимний вечер. Агнес подумала, не взять ли ей с собой несколько книг. Иллюстрированного «Белого короля» кайзера Максимилиана, которым она всегда зачитывалась, или старые бургундские баллады...

Тут ей вспомнились запрещенные книги Мартина Лютера и Филиппа Меланхтона. И тайник, в котором отец Тристан их прятал... Обнаружил ли ее супруг эту нишу? Агнес отыскала деревянный корешок, подписанный «Десятым кругом ада», потянула, и потайная дверца отошла в сторону.

Тайник был пуст.

Агнес нахмурилась. Если бы Фридрих обнаружил запрещенные книги, ему выпал бы удобный случай отделаться от старого монаха. И она бы об этом узнала. Тогда более вероятно, что отец Тристан сам уничтожил книги или же забрал их в Ойссертааль. Агнес наклонилась к отверстию и пошарила по пыльному полу. Тут пальцы ее коснулись кусочка пергамента. Подняв его к свету, девушка заметила, что он был той же текстуры, что и пергамент, составлявший страницы «Хроники». Она вспомнила, что в книге не хватало нескольких страниц. Может, этот кусочек оттуда?

Обрывок, обугленный по краям, размером не превышал по длине ее большого пальца. Сохранилось лишь несколько слов. Агнес поднесла его ближе к глазам, чтобы в полумраке библиотеки разобрать написанное.

Ioannes et Constanza fugae se mandabant ...

– Иоганн и Констанция бежали... – пробормотала она вполголоса.

У Агнес перехватило дыхание. Иоганн, вероятно, был тем самым Иоганном фон Брауншвейгом, который так часто снился ей прошлой весной. А Констанция? Агнес вспомни-

лись ее чувства в сновидениях, ее любовь к Иоганну. Чувства были не ее собственными, а принадлежали женщине, глазами которой Агнес видела происходящее.

Констанция...

Наконец-то она узнала ее имя! Взмолвленная, Агнес закрыла глаза и попыталась вспомнить все, что ей снилось с тех пор, как к ней в руки попало кольцо. Женщина по имени Констанция, вероятно, познакомилась с Иоганном фон Брауншвейгом, когда его посвящали в рыцари. Согласно «Хронике», это было в 1293 году. Они стали парой, у них появился ребенок, но что-то встало между ними. И это каким-то образом было связано с кольцом, которое носила Констанция. Действительно ли Иоганн строил заговор против германского короля Альбрехта Габсбурга или это было лишь предлогом, чтобы устранить его и Констанцию? Когда молодая семья бежала из Трифельса, Констанция несла с собой завернутый в тряпицу предмет. Во имя всего святого, что ж тогда случилось?

Агнес припомнила, что говорил отец Тристан по поводу выданных страниц.

Кто-то хотел, чтобы эта темная глава навсегда осталась в прошлом...

Монах говорил тогда, что Иоганна фон Брауншвейга настигли в Шпейере и убили. Но это была лишь часть правды. Иоганн и Констанция вместе бежали из Трифельса.

Ioannes et Constanza fugae se mandabant ...

Агнес задумчиво разгладила мятый обрывок пергамента. Что случилось с той женщиной? И почему она ей постоянно снилась? Почему страницы оказались вырваны? Почему...

И тут ее осенило.

Отец Тристан утверждал, что страницы вырвали задолго до него. Но забытый в тайнике обрывок говорил о другом. Капеллан сам уничтожил негодную главу!

Агнес стиснула в руке кусочек пергамента, поднялась и в задумчивости направилась к выходу. Отец Тристан солгал ей. И вероятно, не один раз. Даже тогда, незадолго до смерти отца...

Поджав губы, Агнес спустилась по лестнице и вышла во двор. Озадаченные стражники спешно поднялись и поклонились. Новоиспеченная графиня фон Лёвенштайн-Шарфенек, хозяйка Трифельса и дочь рода Эрфенштайнов, не обратила на них внимания.

Следовало поговорить с отцом Тристаном. И как можно скорее...

Глава 2

Монастырь Ойссерталь, 8 апреля 1525 года от Рождества Христова

Крестьяне напали на Ойссерталь с рассветом, перед заутреней.

Солнце еще пряталось за верхушками деревьев и возвещало о себе лишь розоватым сиянием на горизонте. Оно придавало красному камню монастырских строений багровый оттенок и навевало мысли о крови.

«Кровь прольется сегодня в избытке, – пронеслось в голове у Матиса. – И то будет не кровь нашего Искупителя, не обращенное вино, а настоящая, горячая кровь».

Скрытая среди холмов долина, всегда такая приветливая, в рассветных сумерках вдруг показалась совершенно чужой и неуютной, точно разбойничье логово. Около сотни человек, укрытых в подлеске и зарослях боярышника, ждали приказа своего главаря. Пастух-Йокель не стал дожидаться, пока к ним примкнут отряды из Дана и Вильгартсвизена. Матис подозревал, что он стремился тем самым показать, кто встанет во главе объединенной армии. Предводитель, готовый в качестве лагеря представить союзникам монастырь с его кладовыми, мог рассчитывать на многочисленных сторонников.

Матис посмотрел по сторонам, заглянул в решительные лица крестьян и батраков, перепачканных сажей угольщиков, оборванных пастухов, мельников. Даже несколько горожан из Анвайлера были в числе бунтовщиков. Оружием им служили косы, цепы, копья, серпы и ржавые кинжалы. У многих даже башмаков не было – лишь тряпье, намотанное на обмороженные ноги. Кожаные штаны были разодраны, лица – истощены голодом и лишениями. Матис не строил иллюзий: при виде дородных монахов, полных кладовых и богато украшенных алтарей эти люди потеряют голову от жадности. Хотя Матис с Ульрихом, да и сам Йокель предостерегали крестьян от безумных выходов – все-таки монастырь был им нужен в качестве лагеря, – но Матис уже по глазам их видел, что это бессмысленно.

То были глаза голодных волков.

По свистку Йокеля от них отделился передовой отряд примерно в дюжину человек и, пригнувшись, двинулся к тяжелым дубовым воротам. Монастырь располагался на широкой вырубке в окружении крестьянских хижин, жители которых добровольно или по принуждению примкнули к мятежникам. Монастырские же строения окружала стена высотой в три шага, в западной ее части находилась сторожка. Прямо внутрь затекал небольшой ручей, примерно в том месте, где за стеной виднелась плоская крыша литейной мастерской. Матис уже в который раз почувствовал укол совести. Монахи позволили ему отлить оружие на территории монастыря и предоставили для этого свои печи. Как и в прошлый раз, когда юноша помогал с отливкой колокола, они вели себя обходительно и всегда готовы были помочь. С другой стороны, Матис видел, в какой они жили роскоши, в то время как в нескольких шагах голодали крестьянские дети.

«Что поделать, – подумал он мрачно. – Я уже не в силах ничего изменить. Разве что попытаться сохранить жизнь, кому возможно».

В сумерках Матис различил, как один из крестьян, стоя под стеной, раскрутил привязанный к веревке крюк. Тот зацепился за выступ, и четверо мужчин принялись бесшумно взбираться наверх. Прошли по стене к площадке над сторожкой, и Матис услышал тихий шум и приглушенные крики. Затем со стены сорвалось безжизненное тело и осталось лежать у ворот. Вслед за этим тяжелые створки распахнулись, и крестьяне, что выжидали в кустарнике, побежали по недавно засеянному грядкам и пустующим полям к монастырю.

В это мгновение в сторожке пронзительно зазвонил колокол. Звук повторился несколько раз, после чего резко оборвался.

– Проклятье! – прошипел Йокель.

Они с Матисом еще прятались за живой изгородью. Рядом с ними притаились телохранители Янсен с Паулюсом и старый орудийщик Райхарт.

– Второй караульный, должно быть, успел забить тревогу! – бранился пастух. – Я сто раз этим олухам втолковывал, чтобы они сразу прирезали часовых... Теперь наверняка пол-монастыря всполошилось!

В скором времени действительно зазвонил второй колокол. Из-за стен стали доноситься громкие крики и звуки боя. Матис бросился вперед, забыв об остальных. До сих пор он не хотел принимать участия в разорении монастыря. Но теперь речь шла о том, чтобы предотвратить худшее. Юноша оглянулся на Йокеля. Тот по-прежнему выглядывал из-за куста боярышника. После некоторых раздумий пастух тоже сорвался с места и с криком выхватил блестящую саблю, отнятую у мародерствующего ландскнехта. Телохранители с копьями наперевес последовали его примеру. А вслед за ними устремился и Райхарт.

– Долой священное отродье! – закричал Йокель. – Убивайте всех!

Матис тихо выругался. Это явно было против уговора! Они условились, что крови будет пролито как можно меньше, чтобы без нужды не злить герцога в Цвайбрюкене и избежать преждевременной встречи с его ландскнехтами. Теперь же впечатление было такое, будто Йокель хотел умыться в крови.

К тому времени, как Матис вбежал в распахнутые ворота, резня была в самом разгаре. На земле перед церковью лежали несколько бездыханных тел: монастырские слуги и два монаха. Но были среди убитых и крестьяне. Широкоплечий исполин в простом одеянии цистерцианца, вооруженный обломком копья, схватился сразу с тремя противниками. Из многочисленных ран его лилась кровь, а он, оглашая рассветные сумерки молитвами, пронзил копьем одного из крестьян. К своему ужасу, Матис узнал в великане всегда добродушного брата Йорга, который в прошлом году помогал ему в изготовлении оружия. По лужам теплой крови, глядя прямо перед собой, Матис устремился к dormitorio, где располагались монашеские кельи. Может, удастся еще спасти хоть несколько жизней...

Dormitory представлял собой внушительное строение из красного камня, примыкающее к церкви. Перед ним тоже кипел бой. Трое мужчин, стоя на опрокинутой повозке, отбивались мечами от наседавших крестьян. В последние десятилетия монастырь нередко подвергался нападениям, поэтому цистерцианцы держали нескольких служителей, которые теперь отчаянно сдерживали атакующих. То, что их перебьют до последнего, было лишь вопросом времени.

Матис пробежал мимо двух мужчин, сцепившихся на преющей в холоде куче навоза, вернулся от брошенного из темноты камня и вошел в здание, знакомое по прошлым посещениям. Навстречу ему прошли несколько возбужденных крестьян, нагруженных церковными светильниками и всевозможной утварью. Судя по всему, они уже принялись грабить. Матис уловил легкий запах дыма.

Свернув за угол, он оказался в коридоре, расходящемся на отдельные кельи. Многие из них были открыты, мимо него с воплями пробегали монахи. Некоторые стояли на коленях и молились, другие уже лежали в крови среди своих собратьев.

– Не бойтесь! – громко крикнул Матис.

В тот же миг он понял, до чего же смешно звучали его слова посреди этого кошмара. И все-таки он продолжил:

– Если сделаете, как я скажу, никто не пострадает!

Монахи на мгновение прервались в своих причитаниях и устремили на Матиса боязливые взгляды.

– Я... я тебя знаю! – заявил наконец один из них, особенно толстый, с выпирающим из-под белой туники брюхом. – Ты же сын кузнеца из Трифельса... – Тут лицо его скривилось от ненависти. – Да постигнет тебя кара Господня! Тебя и всю твою шайку!

– Господь займется мною позже, – ответил Матис. – Может, он будет не так строг ко мне, если я спасу некоторых из его служителей... Следуйте за мной! Останетесь здесь – погибнете!

Монахи застыли в нерешительности; кто-то бормотал, другие молились. Но Матис уже мчался дальше, и они последовали за ним. Некоторые помогали своим раненым собратьям и волокли их по коридору. Запах дыма усиливался. Снаружи доносился треск пламени; вероятно, уже горели первые сараи и амбары. Над литейной мастерской тоже поднимались столбы дыма.

«Если они не остановятся, то мы скоро без лагеря останемся, – подумал Матис. – Идиоты безмозглые!»

Он повернул налево и в скором времени оказался перед порталом, ведущим в крестный ход. Окруженный колоннами квадратный двор служил переходом между главным зданием и церковью. Матис ступил на тихую площадку, посреди которой журчал фонтан. Каменные скамьи между колоннами располагали к отдыху. На мгновение кровавая схватка показалась очень далекой. Потом откуда-то донесся протяжный крик, монахи запричитали и снова попадали на колени.

– Скорее в церковь! – приказал Матис. – Они не посмеют тронуть вас в церкви. Там можете молиться, сколько душе угодно, а сейчас поторапливайтесь!

Он миновал крестный ход, распахнул низкую дверь и загнал в церковь напуганных цистерцианцев. Церковь Ойссерталя представляла собой трехнефное строение с витражами, сквозь которые лился красный свет. Матис не сразу осознал, что это вовсе не заря, а отсветы пламени. Крестьяне действительно подожгли хозяйственные постройки, амбары и сараи. Вдали слышались торжествующие крики.

«Они сожгли свой новый дом! Завтра, когда огонь погаснет, мы снова будем мерзнуть и голодать».

Взглянув в сторону алтаря, Матис вдруг заметил толстого настоятеля. Вейганд Ханфт слыл скверным управителем и своего сана добился только за счет высокого происхождения. Будучи третьим сыном графа из Бадена, он использовал монастырь для собственного обогащения. До сих пор лишь усердие отца Тристана уберегало его от худшего. Отец Вейганд как раз складывал в мешок серебряные подсвечники, золотые кубки и украшенные парчой и самоцветами ларцы.

– Бросайте мешок, если вам жизнь дорога! – окрикнул его Матис.

Настоятель вздрогнул. Как только толстяк узнал говорившего, губы его растянулись в жалостливой улыбке.

– А юный орудийщик! – просипел священник. – Я и не ожидал встретить тебя здесь после всего, что мы для тебя сделали... – Он пригнулся, точно загнанное животное. – Ты наверняка устроишь так, чтобы меня отпустили, верно?

– Если положите мешок, я замолвлю за вас словечко, – нерешительно ответил Матис. Настоятель изобразил на лице изумление.

– Это... это же священные реликвии, – проговорил он и беспокойно провел языком по мясистым губам. – Необходимо спасти их от пламени. Или ты вздумал идти против Господа?

Матис тонко улыбнулся.

– Я и не знал, что серебряные подсвечники считаются священными реликвиями. И как насчет монет в мешке? Может, вам их сам святой Петр пожертвовал?

Он указал на туго набитый мешок, из которого со звоном сыпались новенькие гульденны.

– А это... это пожертвования благочестивых людей, – пролепетал настоятель. – Я...

– Значит, они пойдут на пользу другим благочестивым людям. Положите мешок.

Настоятель Вейганд опустил плечи. Казалось, он готов повиноваться приказу Матиса, но неожиданно перехватил тяжелую поклажу и бросился к небольшой дверце сбоку от алтаря. Матис помедлил. Погнаться за настоятелем и бросить монахов на произвол судьбы? Пока он раздумывал, за дверью кто-то заскулил, затем пронзительно завизжал и наконец умолк.

Дверца распахнулась, и в зал вошел Пастух-Йокель в сопровождении своих телохранителей. Рубахи бродяг пропитались потом и кровью, лица чернели от сажи, так что оба походили на демонов преисподней. Янсен вытирал о плащ длинный кинжал, а Паулюс взвалил на плечо мешок настоятеля. Йокель стоял между ними, скрестив руки, и ухмылялся.

– Смотри-ка, Матис уже в церкви, – прошелестел он, и тонкий голос его разнесся под высокими сводами, так что слышали и стоявшие в отдалении монахи. – У тебя прямо чутье на жирных крыс, вроде настоятеля... – Он подмигнул Матису. – Хоть ты его едва не упустил. Хорошо, что мы успели его перехватить. Перед смертью этот хряк молил о пощаде. Но от нас он сострадания не дожидается, – пастух сплюнул на освященный пол. – Хоть раз бы к нам, беднякам, сострадание проявил! Нам – пару кусков плесневелого хлеба, а золото – священникам... Но теперь с этим покончено!

Паулюс протянул ему тяжелый мешок, и Йокель принялся жадно рыться в его содержимом.

– Что скажешь, Матис? – хихикал он. – Сколько аркебуз можно купить на все это? Сколько пороха? Если захотим, мы и собор в Шпейере можем разнести, верно?

– Надеюсь, этого не потребуется, – резко ответил Матис.

Тут распахнулись двери главного портала, и в церковь молча вошли крестьяне. Матис заметил, как некоторые из них сняли шапки, а другие украдкой перекрестились.

«Они не посмеют убивать здесь монахов, – подумал Матис. – Возле купели, в которой крестили их детей...»

У бокового алтаря, перед изваянием Пресвятой Девы Марии, стояли на коленях около десяти невредимых монахов. Они боязливо поглядывали на крестьян. Воцарилась напряженная тишина. Слышен был лишь треск пламени, пожиравшего соседние строения.

Йокель решительно шагнул к кафедре, расположенной у клироса на высоте примерно трех шагов, поднялся по мраморным ступеням, вцепился в парапет и, точно гордый полководец, оглядел горстку грязных крестьян.

– Друзья, братья, мы одержали победу, – разнесся под церковными сводами его голос. – Но это лишь первая победа, впереди множество других. Власти дворян и церкви настал конец!

Люди разразились воплями. Многие, казалось, только теперь утратили всякое уважение к священным стенам. Они топали и подбрасывали серпы и косы.

Пастух-Йокель указал на горстку монахов, что жались перед алтарем, подобно напуганным овцам.

– Эти святоши пили ваше вино, жрали ваш хлеб и забивали ваш скот! – возвысил он голос. – Из года в год вы усердно выплачивали десятину, ваши дети голодали, а жирные церковники жили в свое удовольствие.

Внезапно пастух перевернул мешок над кафедрой, и серебряные подсвечники, кубки и монеты со звоном посыпались на пол.

– Это все они украли у вас, – вскричал он. – И теперь должны понести заслуженное наказание. Поэтому повесим их! Повесим их за окнами собственной церкви, дабы их добрые собраты из других монастырей видели, что станет с теми, кто обкрадывал нас все это время!

Люди снова ответили ему криками, но в этот раз более сдержанно. От Матиса не укрылись боязливые, брошенные украдкой взгляды. Стоявший в задних рядах Ульрих Райхарт

покачал головой и что-то недовольно пробормотал. Причитания и мольбы монахов слились в один жалобный гул.

– Тихо! Замолчите все!

Сам того не желая, Матис возвысил голос. И вот люди устремили на него выжидательные взгляды.

Они хотят, чтобы я сказал им, что делать и как поступать. Проклятье, кто ж меня за язык-то тянул!

– Мы... добились, чего желали, – продолжил он нерешительно. – Монастырь захвачен, запасы и церковные богатства наши, настоятель понес заслуженное наказание. Теперь пора показать этим кровопийцам, как должно вести себя христианам. Проявить милосердие.

По церкви пронесся ропот, люди вполголоса переговаривались между собой.

– Господь нам не враг, – добавил Матис более уверенным голосом. – Это католическая церковь нас обирала. Папа, его кардиналы и епископы. Мартин Лютер говорит...

– Лютер ничем не лучше остальных священников! – резко перебил его Йокель; с высоты кафедры голос его звучал куда громче и убедительнее. – Да, он обещает вам Царствие Небесное, но в том лишь случае, если вы будете вести праведную жизнь на земле. Этот Лютер заодно с саксонским курфюрстом. Он не один из нас, он из числа тиранов!

– Мы сами станем тиранами, если будем поступать, как они! – вставил Матис и едва ли не с мольбой обратился к крестьянам: – Послушайте, если мы повесим этих монахов, то будем ничем не лучше проклятого наместника Гесслера, который за свои деяния теперь горит в аду!

Последние слова снова вызвали ропот среди людей. Матис видел, как крестьяне кивали и шептались между собой. Йокель впился пальцами в парапет кафедры и обвел своих подданных беспокойным взглядом. Пастух явно чувствовал, как власть ускользает из его рук.

– Если мы отпустим этих монахов, они отправятся к епископу и расскажут о нашей трусости и нерешительности, – предпринял он новую попытку, в этот раз более вкрадчиво. – Друзья мои, нельзя выказывать сострадания, иначе мы обречены! Нужно...

– Я за последний час убил трех человек, – перебил его Райхарт. – С меня довольно. Я больше не хочу марать руки в крови.

– Не все из этих монахов были плохими, – добавил какой-то старик, трясущимися руками опиравшийся на косу. – Вспомните отца Тристана. Скольких из нас он вылечил своими травами!

– Брат Иммануил всегда давал нашим детям краюху хлеба, – заметил крестьянин помоложе. – А теперь лежит там в луже крови... Нет, это не дело.

Йокель закатил глаза.

– Всегда найдется какой-нибудь монашек, который подбросит вам хлебную крошку, – возразил он. – Но мясо они оставляют себе. Мясо и золото. Они умасливают вас, баюкают, а потом...

– Я свой выбор сделал, – решительно заявил Райхарт. – Я не стану убивать ни одного из этих монахов. Лучше потушим пожар, пока без крыши над головой не остались.

С этими словами он развернулся и вышел прочь. Через некоторое время за ним последовали еще двое или трое человек. Остальные еще перешептывались, но в конце концов и они поодиночке или группами вышли из церкви. В итоге из бунтовщиков остались только Йокель и Матис. У алтаря цистерцианцы затаили тихий хорал, многие из них дрожали и плакали или, раскинув руки, живыми крестами лежали на холодном полу.

– Этого я тебе никогда не прощу! – прошипел Йокель с кафедры.

Горбатый, с тремя пальцами на правой руке и пронзительным взглядом, он напоминал Матису одну из дьявольских личин, что взирали на них с потолка.

– Не ожидал, что ты отвернешься от меня. Я пока что твой предводитель, не забывай об этом!

Матис пожал плечами.

– А я-то думал, смысл нашего восстания в том, чтобы избавиться от повелителей, – ответил он бесстрастным тоном.

Вскинув голову, молодой оружейник развернулся и вышел на улицу, где пылающие строения озаряли раннее утро.

Почувствовав спиной исполненный ненависти взгляд, он заподозрил, что нажил себе могущественного врага.

* * *

Прошло около двух часов. Вытаптывая остатки снега, Матис бродил по монастырскому двору и помогал в восстановительных работах. Следовало потушить пожары, скототить разбитые двери, устроить раненых и унести убитых.

Крестьяне аккуратно сложили трупы возле кладбища. Бледные и неподвижные, монахи и служители лежали рядом с мятежниками так, словно смерть всех уравнила. Перед церковью высилась куча награбленных церковных богатств – под неусыпным взглядом Янсена и Паулюса. Крестьяне пожирала алчными взглядами серебряные подсвечники, ларцы, шкапулки, позолоченные кресты и изваяния святых. Но Йокель ясно дал понять, что любая кража повлечет за собой суровое наказание. Матис всецело поддержал эту угрозу. Деньги нужны были на покупку оружия, но прежде всего – на общие нужды. Таким образом каждый получил бы свою долю.

Перед кучей сидел, скрестив ноги, Йокель и вносил записи в тетрадку. Когда Матис проходил мимо него, пастух не удостоил его даже взглядом. Но стоявшие рядом крестьяне хлопали оружейника по плечу. Судя по всему, они были рады, что Матису удалось остановить кровопролитие.

Выживших монахов крестьяне заперли в одном из подвалов. Заложникам предстояло находиться там до тех пор, пока монастырь не подготовят к обороне и не подойдут подкрепления из Дана и Вильгартсвизена. Матис не строил иллюзий: против хорошо вооруженных ландскнехтов, даже под защитой высоких стен, им не выстоять и дня. Нападением на Ойссерталя крестьяне Анвайлера объявили войну епископу Шпейера, герцогу Цвайбрюкена да и всему Пфальцу. Ответные действия не заставят себя ждать. А до тех пор следовало собрать вокруг себя как можно больше народу. Это был их единственный шанс. Назад пути не было.

Матис решил еще раз пройтись по жилым помещениям монастыря, чтобы присмотреть подходящую комнату для будущего арсенала. Он повернул направо и пересек капитул, где до вчерашнего вечера монахи устраивали каждодневные чтения и беседы. По пути заглянул в трапезную. Эта часть монастыря больше всего пострадала от буйства крестьян. Столы и стулья были опрокинуты, по полу валялись осколки тарелок и чашек, посреди обитого кресла настоятеля кто-то из мятежников наложил зловонную кучу. Сморщив нос, Матис поднялся по лестнице на второй этаж. Здесь разрушений было меньше. Вероятно, многие из крестьян сюда даже не добрались. Слева располагались несколько комнат, одна из которых особенно заинтересовала Матиса, так как располагала массивным замком. Возможно, здесь они и будут хранить свое будущее оружие. Надпись на двери подсказала ему, что за ней скрывалось.

Скрипторий.

Повернув ручку, Матис заметил, что дверь уже была приоткрыта. Она подалась внутрь и открыла взору несколько кафедр, на каждой из которых стояло по чернильнице и стопке

пергаментных листов. На столах и на полу высились стопки книг. На самой дальней кафедре лежало безжизненное тело в белом одеянии. Голова покоилась на столешнице, пальцы судорожно сжимали перо. Присмотревшись, Матис заметил, как на пол густыми чернилами размеренно капала кровь. В первый миг его сковал ужас.

В безжизненном теле за кафедрой он узнал отца Тристана.

– О Господи!

Матис бросился к старику и осторожно его приподнял. Монах был еще жив, хоть и дышал хрипло и прерывисто. На шее зияла глубокая рана, и белая туника с правого бока пропиталась кровью.

– Господи, отче! – воскликнул Матис. – Мне... мне так жаль! Клянусь, я этого не желал!

Он был уверен, что отец Тристан находился сейчас в Трифельсе. Обнаружив его здесь, тяжело раненного, Матис едва не впал в отчаяние. Он с малых лет знал старого капеллана. Отец Тристан помогал ему осваивать чтение, всегда поддерживал добрым словом или чем-нибудь угощал. Когда девяти лет от роду Матис лежал при смерти с кашлем и лихорадкой, монах выхаживал его долгими бессонными ночами. Юноша вдруг ужаснулся, до чего бессмысленной была его собственная жизнь. До сих пор он только тем и занимался, что спорил, боролся и выдумывал орудия смерти. И как он только ввязался в это безумие!

– Кто... кто это сделал? – спросил Матис, хотя понимал, что это уже не имело значения – какой-нибудь охваченный злостью крестьянин заколол старого капеллана, как свинью.

В углу комнаты оружейник заметил большую лужу крови. Вероятно, монах убежал туда, прежде чем его настигло копье или нож. Оттуда к кафедре тянулся кровавый след. Перед монахом лежал покрытый пятнами крови исписанный пергамент. Быть может, отец Тристан решил оставить посмертное письмо?

– Матис, славный мой Матис...

Юноша вздрогнул, заслышав хриплый голос старика. Отец Тристан открыл глаза и с улыбкой взглянул на оружейника. Кожа у него была бледная и сморщенная, как сушеное яблоко, а лицо, казалось, целиком состояло из морщин. Нос походил на орлиный клюв.

– Я знал, что Господь меня услышит, – пробормотал монах. – Тебя... послали небеса.

– Или преисподняя, – мрачно ответил Матис.

Он послушал сердце капеллана: оно билось слабо и прерывисто.

– Отче, я сбегаю за помощью, – продолжил юноша. – Мы перенесем вас в лазарет, и...

Отец Тристан так крепко схватил его за руку, что Матис замолчал от неожиданности.

– ...нет времени, – прохрипел монах. – Письмо... Агнес...

Матис взглянул на него растерянно. Потом вспомнил про исписанный пергамент на кафедре.

– Что... что с этим письмом? – спросил он.

Но отец Тристан уже закрыл глаза. Из груди его вырывался лишь слабый хрип.

– Проклятье!

Матис осторожно уложил раненого монаха на холодный пол и бросил взгляд на кафедру. Пергамент был исписан в спешке и забрызган кровью. Отец Тристан успел набросать лишь несколько строк. Матис склонился над письмом и принялся читать.

Милая Агнес, если ты читаешь эти строки, то я, вероятно, уже предстал перед Творцом. Не печалься, я стар, и далеко не каждому был отведен столь долгий срок. Случилось то, чего я опасался: крестьяне спутали гнев с борьбой за справедливость и истребляют монастырь. Надеюсь, Господь в своей безграничной милости позволит сбежать кому-нибудь из служителей, и тот доставит тебе это письмо.

Ты часто спрашивала меня, что значат твои сновидения, и я отвечал, что это лишь плод твоего воображения. Я лгал. Это кольцо пробудило что-то скрытое в тебе. Я счел

за лучшее не рассказывать тебе об этом. Но теперь решил, что ты имеешь право знать о своем прошлом. В низовьях Рейна, близ Бингена, есть древний монастырь. Он зовется Санкт-Гоар. Каноники там столетиями хранят знания империи, и им известно...

Письмо резко обрывалось, лишь одинокая черта пересекала пергамент. Матис решил, что именно в этот момент крестьяне ворвались в скрипторий. Он спешно спрятал письмо за пазуху. У него еще будет время поразмыслить над ним. Теперь же следовало позаботиться о том, чтобы отец Тристан пережил хотя бы ближайшие часы. Возможно, еще оставалась надежда.

Он осторожно поднял на удивление легкого монаха и устроил на плече, точно ребенка, после чего вышел в коридор и, покачиваясь, стал спускаться на первый этаж.

По щекам Матиса катились слезы. Крестьянам можно сказать, что это все от дыма еще не потушенных пожаров. Они поверят, ведь он был одним из предводителей.

Вот только себя Матис обмануть не мог.

* * *

Агнес заметила дым от пожара, стоя на холме, с вершины которого в долину спускалась узкая тропа. От Ойссерталя ее отделяло еще около мили, но строения уже были хорошо видны. Казалось, весь монастырь стал добычей огня.

С тех пор как она обнаружила в тайнике обрывок с именами Иоганна и Констанции, минуло два дня. Агнес дожидалась лишь удобного случая, чтобы покинуть крепость. Фридриху ни в коем случае не следовало знать, что она собиралась навестить своего старого духовника. Полагая, что отец Тристан подозревал его в убийстве Филиппа фон Эрфенштайна, граф относился к монаху крайне подозрительно. Но сегодня Шарфенек бродил по лесам в окрестностях Трифельса, а потом до позднего вечера будет следить за раскопками. Обстоятельства складывались весьма удачно. Утром, в неприметных паломнических одеяниях, Агнес отправилась в путь. Дорога до монастыря занимала ровно три часа по узкой тропе через леса и холмы.

Затаив дыхание, молодая женщина во все глаза смотрела на долину, подернутую черной дымкой. Сам монастырь и церковь, судя по всему, уже потушили, над ними поднимались лишь тонкие столбы дыма. Но многие дома и строения по-прежнему были охвачены пламенем. Даже отсюда Агнес могла уловить едкий запах гари. Что, ради всего святого, там случилось? Небо оставалось чистым, и все-таки пожар был слишком велик. Непохоже, чтобы его вызвало какое-нибудь возгорание на кухне. Может, на монастырь напали? Но кто?

«Боже милостивый, лишь бы с отцом Тристаном ничего не случилось! – подумала Агнес. – Пусть все это обернется дурным сновидением!»

Она пустилась бегом, но, пробежав несколько шагов, помедлила. Если на монастырь действительно совершено нападение, то поблизости наверняка еще ошивались разбойники. С другой стороны, ей не терпелось узнать, что случилось с отцом Тристаном.

Крутая, извилистая тропа переходила в широкую ложбину, по которой могла проехать повозка. Впереди показались первые монастырские пашни. Агнес глубоко вдохнула и решила добежать до монастыря напрямик.

И через несколько мгновений пожалела о своем решении.

Ее рвануло и с силой взметнуло вверх. Фетровая шляпа упала на землю, и Агнес, словно телячья туша, повисла вниз головой. Она дергалась и вырывалась, но петля лишь сильнее затягивалась. Агнес убрала волосы с лица и увидела прямо перед собой двух бородатых, перепачканных сажей мужчин. Вид у них был такой, точно они выбрались из угольной кучи.

– Ты погляди-ка, кто у нас тут... – проговорил один из мужчин и двусмысленно ухмыльнулся. Лоб его, словно второй рот, пересекал бугристый, плохо заживший шрам. – Что за милая пташка угодила к нам в силки? Посмотрим, как она зачирикает...

Он запыхтел и принялся ощупывать груди Агнес, но второй, помоложе, схватил его за плечо. Большую часть лица его покрывали гнойники.

– У нас нет на это времени, – одернул он товарища. – Ты же сам знаешь, что сказал Йокель. Нужно докладывать ему о всяком, кто приближается к монастырю. Причем немедленно.

– Ха, какое нам дело до Йокеля, – огрызнулся старший. – И какое ему дело, если мы решим немного поразвлечься? Мы выиграли бой, поэтому берем то, что нам полагается. К тому же это не какой-нибудь там ландскнехт, а простая девка, и...

Он помедлил, взглянул на Агнес внимательнее и пробормотал:

– Погоди-ка, а я тебя знаю. Носит штаны, как мужичье, но рубашка из тончайшей бумаги... – Тут грязное, перепачканное сажей лицо его просияло. – Точно, это же дочка наместника из Трифельса! Малолетняя графиня!

– Черт возьми, а ты прав! – отозвался прыщавый и радостно захлопал в ладоши. – Ха, да к нам в силки знатная особа угодила! Йокель будет нами гордиться.

– Немедленно меня опустите! – закричала Агнес и принялась яростно вырываться. – Если мой муж, граф Шарфенек, узнает об этом, он вас на углях зажарит! Он...

– По-моему, ты не осознаешь свое положение, госпожа графиня, – перебил ее тот, что со шрамом.

Он подтолкнул ее, и Агнес закачалась, точно связка хвороста. Прыщавый захихикал, словно малое дитя.

– Времена изменились, – продолжил старший. – Теперь в Ойссертале хозяйничают крестьяне. Твоему супругнику придется заплатить хороший выкуп, если захочет увидеть тебя целиком.

– Можно прямо сейчас отправить ему ухо, – прыснул второй. – Совершенно бесплатно.

Крестьянин со шрамом действительно вынул тесак. Агнес затаила дыхание. Но вместо того, чтобы отрезать ей ухо, мужчина лишь перерубил веревку, и девушка мокрым мешком плюхнулась на землю. Плечо пронзила боль; ноги зудели, словно по ним бегали тысячи муравьев. Молодая женщина со стоном поднялась и почувствовала, как по лбу потекла тонкая струйка крови.

– Эта девка слишком дорога, чтобы ее портить, – с важным видом заявил мужчина со шрамом, забрал у Агнес плащ и накинул себе на плечи. – Она как бриллиант, и нашли его мы. Пошли, отведем ее к Йокелю.

Крестьяне связали ей руки, накинули на шею веревку и, насвистывая, точно теленка, повели Агнес к разрушенному монастырю.

* * *

Матис смотрел, как три фигуры приближались к монастырю, и не мог поверить своим глазам. В сопровождении двух конвоиров действительно шла Агнес!

Юноша отнес отца Тристана в лазарет, где лежали несколько раненых крестьян, и вверил заботам одной из монастырских прислужниц. Он то и дело доставал из-за пазухи странное письмо и всякий раз вспоминал при этом Агнес. И вот она подходила к монастырским воротам, связанная и с разбитым лбом... На ней были ее старые кожаные брюки и тонкая рваная рубашка. Волосы покрылись грязью и растрепались, а сама она дрожала всем телом. Несмотря на это, Агнес была такой же привлекательной, какой Матис запомнил ее с последней встречи, незадолго до битвы за Рамбург.

Тем временем вокруг пленницы столпилось немало народу. Мужчины смеялись и горланили, как если бы караульные подстрелили крупного оленя. Кто-то потянул Агнес за волосы, другой схватился за рубашку, так что та порвалась на плече и обнажила грудь. Агнес пыталась прикрыться связанными руками, пригибалась и уворачивалась, а крестьяне все тянули руки к ее волосам, лицу и грудям. Несмотря на свое затруднительное положение, Агнес излучала гордость, которой Матис не переставал дивиться.

– А ну прекратить!

Матис врзался в толпу и растащил несколько человек. Одного он толкнул с такой силой, что тот плюхнулся от неожиданности на землю, а другому с силой заехал по лицу.

– Что... что еще такое? – вскричал мужчина и схватился за разбитую губу. На землю закапала кровь. – Становись в очередь, если хочешь поразвлечься!

– Вы ничем не лучше животных! – вскинулся на него Матис. – Ничем не лучше вонючего, похотливого зверя!

Остальные расступились и смотрели на него с недоверием.

Агнес по-прежнему прикрывала лицо руками. Теперь же она медленно их опустила, и глаза ее расширились. Казалось, она только сейчас осознала, кто пришел к ней на помощь.

– Матис! – воскликнула Агнес в ужасе. – Ты здесь? Но... но...

– Я так смотрю, вы уже знакомы.

Это был голос Йокеля. Пастух услышал шум и приблизился к толпе. Он медленно переводил взгляд с Матиса на Агнес и обратно. Лицо его вытянулось в притворном изумлении.

– Ну конечно! Дочка наместника Эрфенштайна и ее бывший оружейник! Какая трогательная встреча! – Он недоверчиво взглянул на Матиса. – Ты так ведешь себя с ней... Можно подумать, между вами что-то есть.

– Я просто не хочу, чтобы люди вели себя, как животные, вот и всё.

Матис потупил взор. Никто из крестьян не знал, насколько близки они были с Агнес в действительности. Для них он был бывшим оружейником из Трифельса, а она – его бывшей хозяйкой, ныне графиней Лёвенштайн-Шарфенек. Его поведение, должно быть, озадачило крестьян – они-то ожидали, что он скорее заплюет ее...

– Ни одна женщина не заслужила, чтобы с нею так обращались, – резко добавил юноша.

Йокель недобро сверкнул глазами. А потом неожиданно зажал рот ладонью, точно женщина.

– О Матис! Ты здесь? Но, но... – передразнил он Агнес тонким голоском.

Крестьяне разразились хохотом.

– Не знай я, что ты лучший из моих людей и ненавидишь дворян, точно рогатого, я бы решил, что между вами что-то было, – понизил голос пастух. – Скажи, Матис, я прав? Ну, говори же! Кувыркался ты с милой графиней на сеновале? Уже целовал ее упругие грудки?

– Глупости, – ответил Матис, стараясь не смотреть в глаза ни Йокелю, ни Агнес. – Мы... просто знакомы, только и всего.

Крестьяне совсем притихли и напряженно следили за перепалкой между предводителями.

В конце концов Йокель понимающе кивнул.

– Как скажешь. Значит, ты не станешь возражать, если мы сейчас запрем ее светлость графиню в подвале? Сегодня же вечером крестьянский совет решит, как с ней быть.

Тут пастух возвысил голос и обратился к собравшимся; при этом он с явным отвращением указал на Агнес.

– Друзья, взгляните на эту девицу. Сама она, казалось бы, безвинна, но муж ее – один из величайших угнетателей Пфальца! Его ландскнехты разоряют наши поля, его наместники

отбирают у нас все до последнего крейцера. На эти деньги он покупает своей супруге изысканные одежды, в то время как наши дети ходят в лохмотьях... Так пусть она теперь поплатится за все, что он нам сделал!

Крестьяне ликовали, пожирая Агнес алчными взглядами.

– Не графиня вас притесняла, – вставил Матис. – Не забывайте, во всем повинен граф! Давайте...

– В этот раз тебе не лишить нас награды, – прошипел Йокель. – Даже не думай! Монахи пусть катятся куда подальше, от этих стариков никакого вреда. Но только не графиня! Она наша! Сам Господь привел ее в наше логово.

Все возражения Матиса тонули во всеобщем гомоне. Крестьяне орали, бесились и ревели. И только когда возвысила голос Агнес, стало заметно тише. Она гордо вскинула голову, один Матис заметил, как по телу ее пробежала легкая дрожь. В этот миг у нее действительно был вид рожденной повелевать.

– Где отец Тристан? – спросила она твердым голосом.

Йокель смерил ее испепеляющим взором.

– О ком это ты, наместница?

– Мой духовник. Я хотела навестить его. Если мне суждено умереть, то позвольте мне хоть повидаться с ним. – У Агнес сорвался голос. – Или он мертв?

– А мне почем знать? Кому-то из монашков мы уже вспороли животы. Может, был среди них и твой духовник...

Йокель пожал плечами и оглядел крестьян. В конце концов Матис ответил тихим голосом:

– Отец Тристан лежит в лазарете, он тяжело ранен, – он по-прежнему старался не смотреть на Агнес. – Дышит слабо, но еще жив.

Йокель рассмеялся.

– Так скорее отведите ее к нему! Пока еще не поздно. Для них обоих, – добавил он со злобной улыбкой. – Мы сегодня же решим, что делать с девицей. Нужно ясно показать всему Васгау, что нашему терпению пришел конец.

Пастух небрежно кивнул своим телохранителям.

– Янсен, Паулус, проводите достойную графиню к старому дурню. Матис покажет вам, где лазарет. Если монах еще жив, пусть исповедует ее. В сарае или сортире, мне без разницы.

– Лучше бы мне пойти с ними, – заявил вдруг Райхарт, выступая из толпы. – Я давно знаю Матиса. Девка ему в душу запала, поверь. Черт его знает, что ему в голову взбредет.

Матис изумленно посмотрел на старого орудийщика, но заметил, как тот предостерегающе вскинул брови, и промолчал.

Йокель недоверчиво нахмурил лоб, но потом все же кивнул.

– Ты прав, рисковать незачем, – он властно махнул трехпалой рукой. – А теперь ступайте, пока я не пожалел о своем великодушии.

И с распростертыми руками пастух обратился к своим соратникам.

– Священники обещали нам рай на земле! – вскричал он. – Его не наступило. Так что теперь мы низвергнем их в ад! Очистительным пламенем сметем с лица земли всех правителей! Готовы ли вы пройти со мной этот путь?

Толпа взревела в один чудовищный голос.

В то время как крестьяне продолжали ликовать, Агнес в сопровождении Матиса, Ульриха и телохранителей шагала к громадине монастыря. Она смотрела прямо перед собой и кусала нижнюю губу. Никто из мужчин не должен видеть ее слез.

Агнес не могла решить, что ее больше ужасало: осознание, что отец Тристан, возможно, при смерти, или предательство Матиса. Она знала, что он примкнул к мятежникам, но не ожидала встретить его здесь, среди убийц и поджигателей. Прежде, когда Матис рассказывал ей о несправедливости и скором восстании крестьян, это звучало как-то невинно. Теперь же молодая женщина видела, что это значило в действительности: убийства, грабежи и разруху. Неужели она так в нем ошибалась?

Потом Агнес вдруг осознала, что скоро все ее сомнения будут несущественны. Крестьяне убьют ее, чтобы поквитаться с графом. Ею постепенно овладевал смертельный ужас. В холодном, продуваемом коридоре у Агнес на мгновение потемнело в глазах. Она покачнулась, и Матис ее подхватил.

– Тебе... – начал он, но Агнес его оттолкнула.

– Оставь меня! – прошипела она. – И больше ко мне не прикасайся!

Матис испуганно отступил в сторону, и телохранители язвительно заухмылялись.

– Смотри-ка, а голубок-то клюется, – заметил Янсен и ткнул товарища в бок. – Ну ничего, скоро мы ее отучим.

Паулюс грубо рассмеялся. Он подтолкнул Агнес, и она поплелась дальше по коридору, мимо разгромленной трапезной и монашеских келий. Плечо еще болело после падения, рана на лбу по-прежнему кровоточила. По сути, женщину поддерживала одна-единственная мысль: если ей и суждено умереть, то перед смертью она хотя бы узнает, что означали ее сновидения и кем была эта Констанция. В глубине души Агнес чувствовала, что судьба этой женщины каким-то образом связана с ее собственной.

Наконец они дошли до лазарета. Паулюс шагнул вперед и с грохотом распахнул дверь. В нос ударил запах ладана, трав и испражнений. Комнату как раз окуривали, Агнес едва различила сквозь дымку шаткие кушетки. Несколько раненых крестьян испуганно подняли головы.

– Где монах? – спросил Янсен.

Одна из прислужниц нерешительно указала в угол. Там, окутанная дымом, стояла одинокая кровать. Лежавший на ней человек был до того худым, что походил на пугало.

– Отец Тристан, – вскричала Агнес и уже бросилась было к кровати, но Янсен крепко схватил ее за плечо.

– Не так быстро, птишка, – прорычал он. – Мы рядом постоим, пока ты душу изливаешь.

– Это же исповедь, ослиная твоя башка! Или забыл? – Ульрих потянул озадаченного телохранителя к двери. – Если в вас хоть крупинка веры сохранилась, то пойдемте, подождем снаружи.

Четверо мужчин действительно направились к двери, и Агнес одна приблизилась к кровати в углу. Взволнованная, она преклонила колени и взяла отца Тристана за морщинистую руку, холодную, как смерть. Их окутывали клубы дыма, и остальная часть лазарета скрывалась в сумраке.

– Отче, – прошептала Агнес. – Вы меня слышите?

Отец Тристан лежал с закрытыми глазами. Теперь он их открыл и с улыбкой взглянул на Агнес. С его потрескавшихся губ сорвался вздох облегчения.

– Я знал, что Господь услышит мои молитвы, – пробормотал он. – Скажи, дитя, ты получила мое письмо?

Агнес нахмурилась.

– Что за письмо, отче?

Монах забился в приступе кашля и забрызгал кровью белую простыню.

– Я... написал тебе письмо, – прохрипел он затем. – В скриптории. Очень важное письмо. Я долго не решался рассказать тебе. Я... хотел защитить тебя. Но это бессмысленно.

Знахарка Рехштайнер сказала, что они уже напали на твой след. Тебе нужно бежать, Агнес! Уходи из крепости как можно скорее!

– Знахарка? – Женщина покачала головой. – Бежать? Не понимаю...

У нее голова пошла кругом. Она столько всего хотела узнать от отца Тристана, а теперь загадок стало еще больше.

– Я нашла обрывок из старой хроники, – начала она нерешительно. – Там стояло два имени. Иоганн и Констанция. Тогда они вместе бежали из крепости. Отче, кто эта Констанция? Я должна знать!

Отец Тристан попытался улыбнуться.

– Она тебе ближе, чем ты предполагаешь. Спроси у каноников в Санкт-Гоаре, они могут тебе помочь. До... документ... он у них. Братство доверило его... Братство...

Голос его слабел. Агнес взяла его худую, морщинистую руку и крепко сжала.

– Отче! – закричала она, так что все прочие испуганно на нее оглянулись. – Не покидайте меня. Только не сейчас! О Господи...

По щекам Агнес покатались слезы. Рука старого капеллана неожиданно обмякла. Он глубоко и протяжно вздохнул, после чего свесил голову набок. Лицо его застыло в беспредельном умиротворении.

Осознав, что старик их покинул, все, кто был в лазарете, замолчали. Даже кашель и хрип на некоторое время стихли. Одна из прислужниц одними губами прошептала молитву и утерла заплаканные глаза.

– *Coindeta sui, si cum n'ai greu cossire, quar pauca son, iuvenete e tosa...*

Неожиданно для себя Агнес вполголоса пропела старую окситанскую колыбельную, знакомую с детства. Она по-прежнему держала руку отца Тристана и мягко ее поглаживала. Все позади. Все ее вопросы остались без ответа. Но это не имело значения. Совсем скоро они увидятся с отцом Тристаном в раю. И с давно умершей матерью, и с отцом... Агнес грустно улыбнулась. Скоро все будет позади.

В этот момент за дверью поднялся шум, словно сам дьявол постучался в лазарет.

Вслед за этим дверь распахнулась.

Матис ждал возле двери и проклинал Йокеля, себя самого и весь белый свет. Когда Агнес одарила его тем исполненным ненависти взглядом, жизнь потеряла для оружейника всякий смысл. Теперь она считала его жалким убийцей и поджигателем. И была, черт возьми, права! Все его лживые нагромождения о справедливом мире, свободных крестьянах и благословенном восстании рухнули в одночасье под ее взглядом. Пока есть люди, подобные Йокелю, ничего не изменится! Один правитель сменял другого – епископ ли это, герцог или нищий, человек лучше не станет. Неужели он, Матис, всерьез думал огнем и железом завоевать рай на земле? Теперь его любимая девушка погибнет от рук людей, чьей свободы он когда-то добивался...

«Они как животные, – думал он. – Все мы ничем не лучше животных...»

Совершенно подавленный, Матис устался себе под ноги. Тут кто-то легонько ткнул его в бок. Это был Ульрих. Он подмигнул юноше и перевел взгляд на дверь с противоположной стороны коридора. Запертая на засов, она была довольно прочной на вид. Матис насторожился.

Что он, черт побери, задумал?

– Чтоб им всем пусто было; если б знал, что эта исповедь так растянется, то прежде перекусил бы, – проворчал Райхарт. – После такой рубки и проголодаться недолго... – Он заговорщицки понизил голос: – Возьму-ка я лучше жирную колбаску из кладовой.

Янсен взглянул на него с недоверием.

– Кладовой? Какой еще кладовой?

Райхарт показал на противоположную дверь.

– А Йокель тебе ничего не говорил? Мы заперли здесь все съестное, какое смогли найти. На черный день, сам понимаешь, – он ухмыльнулся. – Копченые окорока и колбасы, засахаренные сливы, вяленая треска, мед, жаркое...

Янсен выкатил глаза, едва услышал о таких яствах.

– Ты... должно быть, шутишь?

– Надо больно! – рассмеялся Райхарт. – Сам посмотри, если не веришь.

– И посмотрю, не сомневайся.

Янсен отодвинул тяжелый засов и отворил дверь. Внутри царил непроглядный мрак, так что телохранитель шагнул внутрь, чтобы хоть что-нибудь разглядеть.

– Черт! – выругался он. – Одурачить меня решил? Нет тут никаких колбас, это просто...

– Чулан, знаю.

Ульрих пнул телохранителя под зад. Янсен вскрикнул и, размахивая руками, рухнул среди сундуков, лестниц, полок и пыльных кружек. Все это с оглушительным грохотом попало на пол.

Матис тем временем разгадал замысел старого орудийщика. Он проворно выхватил кинжал и приставил ошеломленному Паулюсу к горлу.

– Давай за ним, быстро! – прошипел юноша. – Пока я твоей кровью весь коридор не залил.

Паулюс вскинул руки и спиной вперед шагнул к двери. Но он неожиданно раскрыл рот, чтобы позвать на помощь. В тот же миг Ульрих врезал ему по голове тупой стороной клинка. Телохранитель со стоном повалился назад, и Матис запер за ним дверь. В следующее мгновение раздался яростный стук. Вероятно, Янсен оправился после падения.

– У нас мало времени! – перекричал Ульрих нарастающий шум. – Я уже был здесь, пока мы грабили. В конце коридора есть небольшой проход, он ведет в прачечную. Оттуда можно выйти на другую сторону монастыря. Хватай Агнес! Пошевеливайся!

Матис кивнул, точно под гипнозом, после чего ринулся в лазарет. Агнес по-прежнему сидела у кровати отца Тристана. Она испуганно оглянулась и уставилась на Матиса. Раненые и две прислужницы словно окаменели. Они с раскрытыми ртами гладели на задыхающегося юношу с кинжалом в руке.

– Агнес, быстрее! – крикнул Матис. – Уходим!

Та никак не отреагировала. Тогда он подбежал к ней, схватил за ворот и потащил к двери. Казалось, только теперь Агнес поборола испуг.

– Что это значит? – вспыхнула она. – Оставь меня, я еще не исповедалась. Что ж вам так не терпится убить меня?

– Никто тебя не убьет, если поспешим.

Матис потащил ее по коридору, в конце которого их уже дожидался Ульрих. Янсен по-прежнему колотил в запертую дверь.

– Уносим ноги! – задыхаясь, пояснил Матис. – Ты, я и старина Ульрих. Пошевеливайся!

Они пробежали по коридору и вместе протиснулись в низкий проход, ведущий в прачечную.

Шум за спиной нарастал. Матис лихорадочно огляделся. В просторной, сырой от пара комнате стояло несколько чанов, на деревянных перекладинах сушились монашеские рясы; в углу находился громадный очаг, над которым монахи грели воду в большом котле. Только теперь Матис уловил за развешанными рясами непрерывное журчание. Он раздвинул одеяния в стороны и, к величайшему своему удивлению обнаружил узкий канал, протекавший посреди прачечной. Тот пересекал несколько дощатых чуланчиков, в которых, судя по запаху, без труда угадывались уборные.

– Дьявол! – выругался Ульрих.

Он стоял в другой части комнаты и отчаянно бился в расположенную там дверь.

– Заперто! Отсюда нам не выйти!

Из коридора донеслись торопливые шаги. Матис захлопнул дверь, через которую они вошли, и заложил ручку одной из перекладин. Вслед за этим раздался яростный стук.

– Открывай! – кричал разъяренный Янсен. – Сейчас же, или мы спалим прачечную вместе с вами!

Дверь содрогнулась, по доскам пробежали первые трещины. Матис понимал, что долго она не выдержит. Он в панике огляделся.

Куда теперь? Через какую дыру нам спастись?

Матис взглянул на канал, протекавший под уборными. Ульрих, казалось, думал о том же. Он прыгнул в канал, вода доходила ему до колен.

– Как знать, может, увязнем в монашеском дерьме, – проворчал орудийщик. – Но другого выхода я не вижу.

Агнес покачала головой. Судя по всему, она уже приходила в себя.

– Даже не подумаю туда лезть! Откуда мне знать, куда ведет этот канал, и...

– Он ведет на свободу, – резко перебил ее Ульрих. – Я собственными глазами видел. Ручей направили по другому руслу. Он протекает под монастырем и выходит с другой стороны. Монахи в нем стирают и справляют нужду.

– А вдруг там где-нибудь решетка? – не унималась Агнес.

Позади них что-то с грохотом врезалось в дверь. Из досок показалось лезвие топора.

– И вообще, с какой стати мне связываться... – продолжала Агнес.

Но в этот момент Матис ее толкнул. Она вскрикнула от неожиданности и упала в канал. Ульрих уже скрылся под уборными.

– Ныряй! – крикнул Матис. – Ныряй, или пусть Йокель тебя заживо сожжет! Это меньшее, что он теперь с нами сделает.

– Матис, ты... ты... – Злость в голосе Агнес мешалась со страхом.

В итоге она набрала в грудь воздуха и скрылась под уборными. Едва Матис спрыгнул в канал и нырнул следом за Агнес, дверь с треском распахнулась, и до него донеслись торжествующие вопли. После чего вокруг стало темно.

Вода была до того холодной, что руки и ноги сковала боль. Матис пробирался вперед вдоль осклизлых стен в страхе, что впереди неожиданно возникнет препятствие или он просто застрянет. Но поток нес его все дальше. Матис различил впереди бьющуюся фигуру Агнес. Воздух постепенно заканчивался, невидимый кулак стискивал грудь, а подземному руслу так и не было конца. Матиса окружал лишь твердый камень.

«Мы утонем здесь, как крысы, – пронеслось у него в голове. – Что ж, мы хотя бы попытались...»

Когда впереди заплескали первые искры, вокруг неожиданно посветлело. Матис толкнулся ногами и вынырнул на поверхность. В легкие хлынул холодный воздух, наполняя его жизнью. Солнце слепило глаза.

Матис поднял голову и в десяти шагах от себя увидел Ульриха. Орудийщик как раз вытянул из бурного потока Агнес. Она кашляла, сплевывала воду, но была, по крайней мере, жива. По левую и правую руку простирались поля, а за спиной высились монастырские стены.

Перебирая ногами, точно собака, Матис проплыл еще немного, после чего выбрался на берег и поспешил за Ульрихом и Агнес. Они были уже у внешней монастырской стены, там, где находилась литейная мастерская. Бледная, Агнес с трудом переводила дыхание и все-таки одарила Матиса свирепым взглядом.

– Я... никогда тебе этого не прощу, Матис Виленбах, – просипела она. – Сначала ты примкнул к этим убийцам, а потом чуть не утопил меня, как котенка.

– Может, хоть спасибо скажешь ради разнообразия? – ответил Матис, он и сам едва не задышался. – Я тебе жизнь только что спас. Так нет же, графине...

– Может, вы потом как-нибудь поспорите, – перебил его Ульрих и кивнул на стену. – Вот как за ней окажемся, можно считать, что справились. Дальше лес начинается, там до нас уже не добраться.

Стена была примерно в три шага высотой, и с внутренней стороны ее торчало несколько камней. Орудийщик стал перебираться на другую сторону. После некоторых колебаний Матис и Агнес последовали за ним. При этом молодая женщина продолжала злобно коситься на Матиса. С другой стороны зиял болотистый ров с остатками снега. Беглецы спрыгнули вниз, мягко приземлились в грязь, после чего пробрались к лесной опушке и спрятались в зарослях ежевики.

Некоторое время все трое лежали как убитые и хватали ртом воздух. Матис дрожал, мокрая рубаха и штаны липли к телу. У остальных дела были не лучше. Агнес потирала озябшие руки, и юноша поймал себя на том, что смотрит на ее груди, обозначившиеся под мокрой рубашкой. Вода стекала с ее белых волос, на земле собиралась лужа. По крайней мере, солнце уже пригревало. Однако вскоре со стороны монастыря послышались первые крики.

– Они затевают погоню, – мрачно заключил Матис и поднялся. – Если не поторопимся, то все наши старания коту под хвост. Йокель с нас живьем шкуру сдерет.

– Хоть собак у них нет, – хмуро добавил Ульрих. – И все же неплохо бы на время где-нибудь затаиться. Их слишком много, а по снегу нам в лесу далеко не уйти. Какое-нибудь укрытие...

– Я знаю одно, – неожиданно перебила его Агнес. Она встала и отжала мокрые волосы. – Может, там не очень-то и уютно, но хоть на какое-то время мы будем в безопасности. Хотя запах там не из лучших.

Она смерила Матиса хмурым взглядом, но в конце концов тяжело вздохнула.

– Матис Виленбах, ты упрямец, опасный мятежник, и вообще тебя терпеть невозможно. Сама не знаю, почему ты мне так нравишься. Если вам двоим так хочется держаться ко мне поближе, то не отставайте.

С этими словами Агнес скрылась среди деревьев.

Глава 3

Венеция, в тот же день

В дешевом кабаке неподалеку от Гранд-канала мужчина взглянул на распечатанное письмо и сдержал проклятие. Он тихонько шевелил губами, словно пытался сохранить в памяти каждое слово. Наконец мужчина поднес письмо к свече, и оно, ярко вспыхнув, обратилось в пепел. Воск со сломанной печати растекся по шаткому столу, испещренному множеством зарубок.

– Эй, ты чего тут жечь вздумал! – жирный, провонявший потом корчмарь шагнул к незнакомцу, грозно покачивая глиняной кружкой. – Болван, ты мне всю лавку спалишь. Убирайся, пока...

Мужчина поднял голову, и трактирщик умолк, увидев под капюшоном его лицо. Оно было черным, как смоль, и ряд белоснежных зубов сверкал на его фоне, точно нить жемчуга в глубокой заводи.

– Мне нужна быстрая лошадь, – с улыбкой сказал мужчина, не обратив внимания на угрозу. – Где мне найти такую? Цена не имеет значения.

– Э... на площади Святой Маргариты, на новой перекладной станции, есть торговец лошадьми, – неуверенно ответил трактирщик. – Там вы наверняка...

– Хорошо, – перебил его чернокожий. – А теперь принеси мне вина, только в чистом стакане. И не это пойло! Я знаю, что у тебя есть вино получше. Так что, будь добр, не дури меня.

Он катнул по столу серебряную монету. Трактирщик ловко ее поймал.

– Как... как прикажете, господин.

Каспар дождался, пока толстяк отошел, после чего достал смятую карту, которая пришла вместе с письмом. На ней ломаными линиями были обозначены главные дороги империи Габсбургов. Он нахмурил лоб и провел пальцем вдоль некоторых трактов. Если отправиться сегодня же и часто менять лошадей, то через десять дней он будет в Васгау. Среди густых лесов, бесчисленных холмов и долин, крошечных деревушек и безмозглых крестьян, что влачили там свое жалкое существование... Как же он ненавидел эти места! Каспар смял карту: в северной ее части линий было значительно меньше, чем в южной. Казалось, там ничего не изменилось со времен римлян: варвары, дремучие леса и вечные распри враждующих кланов... До чего же славно жилось в городах вроде Гранады, Парижа, Лиссабона или вот Венеции! Здесь знали толк в жизни. Здесь чернокожих людей не считали демонами, а зачастую принимали за ученых. Но заказчик решил снова отправить его в эту глушь. А ведь в прошлый раз Каспар уже выяснил, что легенда – не более, чем красивая сказка. Теперь же ему снова придется копаться в этом болоте. Притом что у него других дел было по горло! Каспар понимал: он – один из лучших, и без заказов не останется. Но этот – самый важный. Если он откажется, об этом поползут слухи.

Тем более что платил этот заказчик слишком щедро.

– Э... вино, господин. Из Португалии. Лучшее, что я сумел...

Каспар нетерпеливым жестом велел трактирщику замолчать и отослал его обратно к стойке. Пригубив наконец вино, он одобрительно кивнул. Вот за таким можно и поразмыслить. Не чета тому пойлу, которое здесь обычно подавали.

Каспар быстро привел мысли в порядок. В этот раз он отправится один. По сути, было только одно место, куда следовало заглянуть еще раз. Все эти месяцы Каспар то и дело раздумывал над смертью наместника Анвайлера. В особенности над его запоздалым признанием.

Я действительно кое-что отыскал в архиве...

Каспар пришел к заключению, что этот подлец, возможно, что-то и выяснил. Быть может, в архивах Анвайлера действительно что-то было. Нечто такое, что раскрыло бы наконец имя, которое так хотел знать заказчик.

Каспар довольно кивнул и одним глотком осушил обшарпанный стакан. Затем вытер рот и направился к двери, на ходу пересчитывая монеты в мешочке. Он купит самую быструю лошадь, какую сумеет найти, и расправится наконец с этим заказом. Чем скорее он доберется до этих богом забытых германских лесов, тем быстрее вернется в те солнечные страны, где жизнь была ключом.

Каспар улыбнулся.

Он будет купаться в вине.

В дорогом, очень дорогом вине.

* * *

А в сотнях миль Агнес, Матис и Ульрих Райхарт сидели во мраке пещеры. По лесу разносились крики преследователей, постепенно отдаляясь, пока наконец совсем не смолкли.

Убежище их располагалось на полпути между Трифельсом и Ойссерталем. Агнес обнаружила его несколько лет назад во время охоты. Укрытие представляло собой заброшенную медвежью берлогу у подножия скального массива. Агнес время от времени пряталась там, если непогода заставляла ее врасплох. Прошлой осенью она предусмотрительно заделала вход камнями от диких животных. Внутри лежали сухие шкуры, сушеные фрукты, имелся даже очаг с естественным дымоходом. Но, опасаясь, что их могут обнаружить, они не стали разводить огонь. Стены местами покрывал иней – здесь, на глубине, по-прежнему стоял самый разгар зимы. В воздухе пахло прелой листвой, плесенью и гнилью.

– По-моему, они сдались, – сказал Матис усталым голосом и закутался в рваную кабанью шкуру. – Так или иначе, долго я здесь не протяну. Я уже окоченел.

– Думаю, подождем еще с четверть часа, а потом попробуем выбраться, – предложил Ульрих.

– И куда потом? – Матис горько рассмеялся. – Мы вне закона, Ульрих. Забыл? А с этого дня нас не только прихвостни герцога разыскивают, но и собственные люди.

Он взглянул на Агнес, и в насмешливом взгляде его читалось уныние.

– Что ж, по крайней мере, тебе есть куда податься.

– А что если я там и появляться не хочу?

Агнес вперила в Матиса свирепый взгляд. До сих пор она молчала, погруженная в свои мысли, но теперь не сдержалась.

– Ты хоть раз задумывался, каково это, быть женой хладнокровного убийцы и тирана? – вспыхнула она. – Человека, который, по всей вероятности, убил моего отца? Запертой в золотую клетку, обреченной на убогую жизнь бесправной тихони? Хоть раз ты подумал об этом?

– Ну, ты хотя бы не голодаешь, как многие другие, – пожал плечами Матис. – И в Шарфенберге всегда горит теплый очаг.

– Очаг – да. А сердце у меня постепенно леденеет.

Агнес молча уставилась на сосульки, свисавшие над входом в пещеру. Тоска по умершему капеллану тяготила душу. Казалось, сердце медленно обрастало ледяным панцирем.

Она в очередной раз достала письмо отца Тристана, которое передал ей Матис, прищурилась в полумраке и пробежала взглядом несколько строк.

Ты часто спрашивала меня, что значат твои сновидения, и я отвечал, что это лишь плод твоего воображения... Но теперь решил, что ты имеешь право знать о своем прошлом...

Агнес зябко поежилась и прислонилась к стене. Все время после их бегства в душе ее медленно зрело решение. Письмо капеллана словно пробудило в ней дремавшие до сих пор чувства. Она вдруг осознала, что все эти недели и месяцы была лишь тенью себя. Жила с человеком, который погубил их род, убил ее отца и отобрал у нее Трифельс. Подкупил ее дорогими книгами, вином и возможностью вести спокойную, безопасную жизнь. Как она смогла опуститься до такого! Пора было положить конец этому маскараду, и не важно, что она отвергала тем самым последнюю волю отца.

Агнес решительно кивнула. Письмо отца Тристана и его последние слова вновь обозначили для нее цель, миссию. Что там старый монах сказал ей на смертном одре?

Пора тебе наконец узнать, кто ты на самом деле.

После долгого молчания женщина наконец подняла голову и сказала твердым голосом:

– Я больше не вернусь в Шарфенберг.

– Что... что ты такое говоришь? – Матис потрясенно взглянул на нее. – С ума сошла? У тебя, в отличие от нас, есть жизнь, будущее! Нельзя так безрассудно отказываться от этого! И куда ты вообще пойдешь?

– В Санкт-Гоар, – Агнес поджала губы. – Я пойду в Санкт-Гоар. Отец Тристан сказал, что там я смогу узнать о своем прошлом. Констанция, Иоганн, кольцо... все это как-то связано со мной. Ах! – она покачала головой. – Я ведь и сама не знаю. Знаю только, что прежней жизни уже не будет. Я либо уйду, либо постепенно окаменею, если прежде не брошусь с башни. И если отец Тристан не ошибся, то меня преследуют, и мне все равно придется уйти.

– Преследуют? – нахмурился Ульрих. – Кто? О чем вы говорите?

– Знахарка Рехштайнер рассказала отцу Тристану, что кто-то идет по моему следу. Он... он попросил меня покинуть крепость и отправиться в Санкт-Гоар. Там есть некий документ, который поведает о моем прошлом. Прежде этот документ находился в руках какого-то братства... – Агнес помяла в руках забрызганное кровью письмо. – Этот Санкт-Гоар, этот монастырь где-то в низовьях Рейна, недалеко от Бингена. Отец Тристан писал про него.

Старый орудийщик грубо рассмеялся.

– Вы хоть знаете, сколько отсюда до Бингена? Больше сотни миль! А война в самом разгаре, сударыня. Крестьяне всюду сбиваются в отряды. Девушка вроде вас сгинет там в два счета.

– Я переоденусь парнем, – холодно ответила Агнес. – Спрячу волосы и буду носить штаны. Бродячий подмастерье. Обычное дело даже на войне.

– И ты всерьез думаешь, что мы возьмем да и отпустим тебя? – покачал головой Матис. – И думать забудь.

– И что вы сделаете? Свяжете меня в пещере? – Агнес выпатила подбородок. – Я пойду туда, куда мне вздумается, понятно?

– Конечно, пойдешь. Только не одна, – Матис помедлил мгновение, после чего ухмыльнулся и подмигнул Ульриху. – Ведь мы пойдем с тобой. Верно, Ульрих?

Старый орудийщик изумленно поднял глаза, но потом лишь тяжело вздохнул.

– А дьявол! Боюсь, сегодня мятежник во мне скоростижно скончался. А кроме военного дела, я больше никаким ремеслом и не владею. Так что могу и впредь нести пользу любезной графине, – он склонил голову набок. – Если она не против.

– Вы... пойдете со мной? Вы, что, серьезно?

Сердце у Агнес забилося чаще. Теперь собственное решение уже не казалось ей столь мрачным и безнадежным, как пару секунд назад.

– Я пойду с тобой, и не важно куда, – с улыбкой ответил Матис. – Конечно, в солнечной Венеции было бы куда лучше. Да хоть бы в Кёльне или Майнце. Но раз уж на то пошло,

то и древний монастырь сойдет. Всяко лучше, чем оголодать в бегах посреди лесов Васгау. – Он поднялся. – Или замерзнуть насмерть... Давайте уже выбираться из этой ледяной пещеры.

Ульрих тоже тяжело поднялся. Агнес немного помедлила, затем встала, разгладила еще сырую рубашку и решительно кивнула.

– Ладно, пойдемте, – сказала она и, пригнувшись, шагнула к выходу. – Но прежде мне волей-неволей придется навестить моего дражайшего супруга.

Агнес решительно сжала кулаки.

– Есть там одна вещица, оставлять которую мне не хочется ни в коем случае. Пускай это лишь небольшое кольцо.

Спустя примерно час беглецы уже взбирались по скользкому склону к горе Зонненберг и трем ее крепостям. После некоторых колебаний Матис и Ульрих согласились сопроводить Агнес к львиному логову. Правда, старый орудийщик так и не понял, зачем им рисковать и шастать под носом у стражников ради какого-то колечка. Но Агнес настояла на том, чтобы забрать драгоценный перстень времен Барбароссы. Без него она не могла отправиться в Санкт-Гоар. С этого кольца все началось, и она не могла его оставить. Кроме того, отец Тристан упоминал о нем перед смертью. Значит, оно имело большое значение.

С тех пор как Агнес сочеталась браком с Фридрихом фон Лёвенштайн-Шарфенеком, кольцо хранилось у нее в комнате, спрятанное в шкатулке под кроватью. Ради него Агнес решила в последний раз навестить Шарфенберг. И заодно раздобыть немного денег и сухую одежду.

Погруженная в раздумья, Агнес брела по тенистому лесу, то и дело цепляясь за обледенелые ветки. Что же хотел сказать отец Тристан своими последними словами? Что связывало ее с кольцом и женщиной по имени Констанция, жившей за триста лет до ее рождения? И что крылось за всеми сновидениями, что не давали ей покоя? Ответы на все эти вопросы, казалось, лежали в Санкт-Гоаре. О том, что будет после, Агнес не думала. Знала только, что должна докопаться до истины.

Между тем сгущались сумерки. В тени деревьев упрямо белели остатки снега, земля была сырая, и каждый шаг давался с трудом. Но друзья решили избегать хоженных дорог. Слишком велика была опасность столкнуться с возможными преследователями. Время от времени они пытались замести следы, шли вдоль ледяных ручьев или волокли за собой ветки, но результаты оставляли желать лучшего. Агнес то и дело слышались звуки приближающейся погони. Но это были лишь испугнутые косули или другие животные.

Временами Агнес шагала точно под гипнозом. Скорбь по умершему духовнику тяготила ей душу. Лишь холод и опасность быть замеченной сдерживали ее от рыданий. В то же время Агнес ощущала в себе силу, прежде неведомую. Казалось, пережитое горе наполняло ее новыми силами.

«Пожалуй, я постепенно взрослею», – подумала она с горечью.

Наконец среди деревьев, окутанный сумерками, показался Трифельс. Громадным темным кораблем он венчал скальный массив, гордый и неприступный. Они обошли его по широкой дуге, и Агнес невольно предалась приятным воспоминаниям, что связывали ее с крепостью. Мрачная громадина была ей домом. Доведется ли ей когда-нибудь сюда вернуться?

– Как ты вообще собираешься попасть в крепость? – прервал Матис ее унылые раздумья, пока они приближались по узкой тропе к расположенному по соседству Шарфенбергу. – Не станешь же ты стучаться и просить своего супруга, чтобы тот дал тебе кольцо и теплый

плащ! – Он показал на ее мокрую рубашку и рану на лбу, полученную еще в плену. – Если граф застанет тебя в таком виде, то станет задавать вопросы и уже вряд ли тебя отпустит.

– Балда! Я уже неплохо изучила крепость. Там есть одна потайная дверь, и у меня имеется от нее ключ, – Агнес подмигнула ему. – Не буду же я по любому делу отпрашиваться у своего дражайшего супруга. Все будет хорошо, вот увидишь.

Последние сотни метров до крепости были наиболее тяжелыми. Пришлось взбираться по северному, самому крутому склону. Здесь не было крепостных стен – лишь отвесная скала, у подножия которой тянулся ров. Прежде он был наполнен водой, но теперь представлял собой лишь слякотную яму. Агнес спустилась вниз по корню и, балансируя по булыжникам, перебралась на другую сторону. Ульрих и Матис, стоя на краю рва, следили за ее действиями.

– Теперь и вы понимаете, почему платью я предпочитаю брюки, – пояснила она друзьям. – В пышной юбке я бы уже раз десять шлепнулась... – Она знаком велела им остаться на месте. – Подождите здесь. Я ненадолго, обещаю.

– А если объявится Йокель со своими людьми? – прошипел Матис.

– Ерунда. Если бы крестьяне нас преследовали, то давно бы настигли, не сомневайся.

Агнес забралась по откосу и приблизилась к скале, густо увитой плющом. На определенном участке раздвинула заросли, и взору открылась ржавая железная дверца. Когда-то посаженные защитники могли совершать отсюда вылазки, теперь же об этой двери знали лишь немногие посвященные. Фридрих рассказал о ней, когда пребывал в добром расположении духа. Агнес стянула у него ключ и позднее заказала у кузнеца в Анвайлере второй такой же. Граф до сих пор так ничего и не заметил.

Дверь с тихим скрипом отворилась, и из проема повеяло сырым затхлым воздухом. Агнес вошла в темный коридор и стала ощупью пробираться вперед. Она уже столько раз здесь проходила, что сориентировалась бы и с закрытыми глазами.

Примерно через двадцать шагов высеченный в скале туннель оканчивался люком в потолке. Агнес подняла крышку, подтянулась и осторожно осмотрелась. Проем находился в неприметном углу внешнего двора, прямо под крепостной стеной. С заходом солнца двор опустел и теперь утопал во мраке. Несколько кур суетливо клевали зерна, издали доносился смех стражников.

Агнес выбралась из тесного проема и поспешила во внутренний двор. У закрытых ворот скучал караульный. Завидев Агнес, стражник подобрался. Казалось, он не заметил в сумерках ее рваной промокшей рубашки.

– Госпожа графиня, – проскрипел он. – Что у вас...

Агнес отмахнулась.

– Мой супруг уже вернулся? – спросила она.

Стражник помотал головой.

– Нет, к сожалению. Хотя мы ждем его с минуты на минуту. Он собирался вернуться еще до наступления темноты.

– Э... хорошо. Не говори ему, что я уже здесь, – Агнес улыбнулась самой очаровательной из улыбок. – Хочу устроить ему сюрприз.

Стражник услужливо ее пропустил, и молодая женщина взбежала по ступеням в жилое строение, примыкающее к донжону. Спеша по сводчатым коридорам, она на ходу оглядывала дорогие гобелены, раскидистые оленьи рога, плотные ковры и живописные картины по стенам. Фридрих соорудил для нее золотую клетку. Настало время из нее вырваться.

Первым делом Агнес прошла в свою комнату на втором этаже. И здесь стены были увешаны коврами, повествующими о битвах прошлого. На одном из них был изображен Трифельс во времена своего величия. В углу потрескивала небольшая печь, уже растопленная служанками на ночь.

Агнес пошарила под кроватью и вытянула сундук со своими пожитками, в числе которых была и книга под авторством кайзера Фридриха о соколиной охоте. В свое время Агнес получила ее в подарок от отца Тристана. Она с трепетом провела рукой по кожаному переплету. Книгу придется оставить, как и прочие богатства.

Всё, кроме кольца.

Агнес вынула из сундука небольшую шкатулку, в которой вот уже несколько месяцев хранила кольцо. Когда серебряная цепочка обвила наконец шею, кольцо обожгло кожу холодом – и в то же время грело ее. По телу пробежал странный озноб. Казалось, недостающий элемент мозаики водворился на свое прежнее место.

Что же оно со мной делает?

Агнес в последний раз оглядела богато обставленные покои и поспешила в комнату супруга, расположенную в самом конце коридора. Как она и ожидала, дверь была заперта, но женщина из предусмотрительности заготовила ключ и от нее. Она быстро отперла дверь и вошла внутрь.

Комната Фридриха была самой просторной во всей крепости. Пол устилал пахучий тростник, и благодаря раскаленным углям в жаровне граф по возвращении мог сразу согреться. Широкую кровать с балдахином Агнес до сих пор удавалось избегать. Хотя Фридрих и не проявлял особого рвения. Зачастую он до поздней ночи сидел за письменным столом, изучая старинные документы и акты.

Агнес подошла к трем сундукам у окна и без разбора принялась доставать одежду. Фридрих был примерно ее комплекции, и для Ульриха с Матисом наверняка подойдет пара теплых плащей. Кроме того, за дорогие меха можно выручить неплохие деньги.

Набрав охапку одежды, Агнес сунула ее в мешок и наконец шагнула к выдвижному ящику письменного стола. Она знала, что Фридрих всегда держал там некоторую сумму денег. И действительно отыскала туго набитый кожаный мешочек. Развязала его, и на ладонь выкатились поблескивающие золотом гульдены и цехины. Агнес улыбнулась и положила кошель в мешок с одеждой. С такими деньгами они, если понадобится, и до самой Венеции доберутся.

– Неужто вы нас покидаете? Прискорбно.

Голос донесся со стороны распахнутой двери. Агнес от неожиданности выронила мешок и развернулась. В комнату вошел Мельхиор фон Таннингген. Менестрель с любопытством оглядел открытые сундуки, из которых торчали плащи, рубашки и сюртуки.

– Или вы решили прибраться в покоях супруга? Но ведь для этого есть слуги, – Мельхиор с улыбкой пожал плечами.

– Эм, так и есть, – начала Агнес, запинаясь. – Я искала плащ потеплее, увидела, какой тут бардак, и...

Она замолчала, заметив, как взгляд Мельхиора застыл на ее разорванной рубашке.

– Кто сотворил с вами такое? – спросил бард с возмущением. – Граф?

Агнес помотала головой.

– Я всего лишь упала с лестницы.

– А мешок?

– Я... я...

Агнес вдруг поняла, что слишком глубоко увязла в собственной лжи. Мельхиор не сводил с нее внимательного взгляда. В конце концов она опустила голову и смиренно склонила голову.

– Если я раскрою вам тайну, вы обещаете молчать?

Менестрель вскинул правую руку и, точно средневековый рыцарь, преклонил перед Агнес колено.

– Всем, что еще свято для меня, клянусь небом, землей и Священной Римской...

Агнес отмахнулась.

– Думаю, этого достаточно, – она немного помедлила и продолжила тихим голосом: – Дорогой Мельхиор, вы всегда были мне хорошим другом, но теперь я вынуждена вас оставить. Я навсегда покидаю и Шарфенберг, и моего супруга.

Менестрель взглянул на нее, пораженный.

– Вы... уходите? Но куда?

– Этого я не могу сказать.

Бард наклонился еще ниже и, словно в молитве, опустил голову.

– И пусть бы это дорога в ад, я последую за вами.

– Ну уж нет! – вздохнула Агнес. – Это опасно, и...

– Вот потому я и обязан сопровождать вас. Я не допущу, чтобы юная девица в одиночку скиталась по Германии, да еще в такое время! Тем более если за вами устремится мстительный супруг. К тому же я слишком засиделся в этой крепости. Бардам должно путешествовать, иначе им нечего воспевать, – Мельхиор поднялся и приложил руку к груди, каждый дюйм его невысокого роста дрожал от гордости. – Однажды я поклялся защищать слабых. Позвольте же мне быть вашим паладином!

Не будь положение столь серьезным, Агнес рассмеялась бы. Она собралась уже возразить во второй раз, но потом задумалась. Менестрель действительно мог оказаться ценным спутником. Он много всего повидал и знал мир. Кроме того, Мельхиор уже доказал, что, несмотря на изящное телосложение, был хорошим фехтовальщиком. А в долгом путешествии по охваченной восстанием стране это пригодилось бы. Вопрос лишь в том, что скажет Матис, если Агнес посвятит в их планы еще одного человека.

Мельхиор по-прежнему стоял перед ней, приложив руку к груди. В конце концов Агнес сдалась.

– Ну... хорошо, – начала она. – Можете составить мне компанию, мне и моим друзьям. Но вы должны поклясться, что никому ничего не расскажете!

Агнес вспомнились последние слова отца Тристана.

Знахарка сказала, что они уже напали на твой след...

– Возможно, меня кто-то преследует, – продолжила Агнес тихим голосом. – Хоть я не знаю, кто и зачем. Поэтому следует хранить молчание.

Мельхиор возмущенно вскинул брови.

– Вы говорите с рыцарем, сударыня! Ни под какими пытками я не выдам нашей тайны!

– Будем надеяться, что до этого не дойдет, – мрачно ответила Агнес. – А теперь быстрее, пока не вернулся мой супруг! Если он застанет нас тут, среди разбросанных одежд, то может не о том подумать. А этого мне хочется меньше всего.

Агнес бросила маленькому менестрелю мешок и устремилась к выходу. Мельхиор на ходу прихватил подбитый горностаем плащ и, гордо выпятив грудь, поспешил следом. Шпага его тихонько позвякивала в ножнах.

Когда они пересекали окутанный сумраком двор, Агнес вдруг остановилась.

– Подождите, – сказала она Мельхиору. – Я... должна еще кое с кем попрощаться.

Она оставила озадаченного менестреля позади и направилась в угол двора, где находился, укрытый в тени, небольшой вольер. Внутри на перекладине сидел сокол Парцифаль. Голову его закрывал клубочок. Агнес осторожно сняла его, и сокол взволнованно замахал крыльями, отчего зазвенела пристегнутая к ноге серебряная цепочка. Он начал линять, и перья на хвосте стали серыми и поредели.

– Парцифаль, – прошептала Агнес и погладила сокола по голове. – Мне... мне придется тебя покинуть. Мне так жаль, но я не смогу взять тебя.

Сначала Агнес подумывала взять с собой и сокола, и коня Тарамиса. Но на знатном жеребце лишь привлекала бы внимание. Кроме того, птице требовался постоянный уход и корм. Поэтому она решила поступить иначе.

Агнес помедлила, после чего сняла цепочку с ноги сокола и распахнула дверцу вольера.

– Лети, Парцифаль, лети, – сказала она тихо. – Тебя ждут мыши, зайцы – и уж точно милая соколица. Прощай! *Al reveire!*

Сокол беспокойно потоптался на перекладине, затем расправил крылья и вылетел во двор. Он задержался ненадолго на крепостной стене, после чего вспорхнул и с пронзительным криком взвился ввысь. Совершил несколько кругов над крепостью, словно хотел попрощаться, и наконец полетел на запад, навстречу заходящему солнцу.

Агнес провожала его взглядом, пока он не скрылся за стеной.

В лесу, укрытый в зарослях ежевики, сгорбленный человек исполненным ненависти взглядом следил за двумя мужчинами, которые, казалось, чего-то ждали перед скалой, у подножия крепости Шарфенберг.

Горбун тихо выругался. Что, черт возьми, эти двое замыслили? Как бы то ни было, пора уже заканчивать с этим, пока он сам тут не окоченел. Пастух-Йокель нетерпеливо потер озябшие руки и оглянулся на своих крестьян, что дожидались в подлеске его приказа. Этот юнец еще пожалеет, что осрамил его перед людьми. О да, Матис пожалеет, и горько!

Вытянувшись в линию, они с полудня преследовали беглецов. Но в какой-то момент след их затерялся в лесу. Поначалу Йокель разбушевался, но потом догадался, куда могла отправиться, по крайней мере, одна из них. В итоге он расставил посты перед Шарфенбергом. Правда, пастух рассчитывал, что графиня направится напрямик к главным воротам, а не станет приближаться к крепости с северной стороны, по крутому склону. Поэтому они едва не опоздали.

Но крестьянам повезло. Один из караульных в последний момент заметил беглецов. И вот Матис с этим дурнем Райхартом стояли себе в снегу, как два напуганных оленя! Только чванливой графине удалось каким-то образом ускользнуть.

Йокель отдал было приказ атаковать, как от скалы вдруг отделились еще две фигуры. Откуда они появились так внезапно? Пастух присмотрелся внимательнее. То был изящный мужчина в одежде молодого вельможи, с мешком на плече, и...

Графиня!

Йокель зажал рот ладонью, чтобы не захихикать в голос. Глупая девка в самом деле вышла из-под защиты стен и тем самым указала им путь в крепость. Несомненно, в скале имелась потайная дверь. Теперь все они в его руках!

Пастух с любопытством разглядывал человека с мешком. Незнакомец подошел к Матису и старому Ульриху. Они вполголоса о чем-то переговорили, после чего графиня вынула из мешка теплую одежду и раздала остальным. Йокель ухмыльнулся, разгадав смысл происходящего. Эти четверо затеяли побег! Видимо, прелестной девице опротивела жизнь в крепости. А этот щеголь, вероятно, ее любовник... Хотя возможно, что властный супруг просто выставил наглую девицу вон. Притом что она, наделенная пышными светлыми волосами, упругими грудками и точеной фигуркой, действительно была хороша собой. Даже более чем хороша...

Тут Йокеля осенила идея, столь же коварная, сколь гениальная. Губы его растянулись в тонкой, дьявольской улыбке. Временами он и сам дивился собственной проницательности. Иногда сравниться с ним мог разве что Матис. Парень был находчив, и люди его любили. Прикончить его сейчас, на глазах у всех, было бы слишком рискованно. Однако теперь он сможет избавиться от наглого выскочки и в то же время поквитается с графиней. И провернет все до того изящно, что среди мятежников это еще долго будет темой для разговоров.

Несомненно, он был прирожденным лидером.

– Ну так что, господин? – раздался за спиной нетерпеливый голос Паулюса. – Схватим их?

Голову бывшего бродяги, в том месте, куда его ударил Райхарт, стягивала повязка. В сумерках глаза его сверкали ненавистью и злобой. Йокелю понравилось, что Паулюс уже назвал его «господином», точно какого-нибудь рыцаря или графа.

Пастух покачал головой.

– Я придумал кое-что получше. Ты ведь знаешь деревню Ринталь неподалеку отсюда?

Паулюс с непонимающим видом кивнул, и Йокель продолжил:

– Там как раз орудуют несколько молодчиков. Барышники, торгуют шляхами, держат путь в Страсбург. Они присматривают крестьянских дочерей, которых родителям уже не прокормить.

Паулюс наконец догадался, и рот его скривился в ухмылке.

– Хочешь сказать... мы предложим им кое-что получше крестьянской девки?

– О да, гораздо лучше. Настоящую графиню, – Йокель подмигнул телохранителю. – А взамен они прикончат Матиса и двух этих бестолочей, и нам не придется марать руки.

Паулюс тихонько захихикал, и пастух его толкнул.

– Ну же, пошевеливайся, пока золотая уточка не упорхнула.

Когда бродяга скрылся, Йокель еще долго взирал на Шарфенберг. Крепость, что нависала сейчас над ним, до недавнего времени казалась неприступной. Но теперь он знал ее слабое место. Горбатый пастух усмехнулся. Совсем скоро подойдут люди из Дана и Вильгартсвизена. Он предоставит им монастырь в качестве лагеря и оттуда поведет их на Шарфенберг. Вместе они захватят крепость. За ней последует Трифельс, затем Анвайлер и прочие селения до самого Рейна.

И не возникало сомнений в том, кто станет предводителем этой огромной, постоянно растущей армии.

* * *

Под неумолчный плеск Квайха Агнес и трое ее спутников шагали к небольшому селению Альберсвайлер, расположенному в нескольких милях к востоку от Анвайлера. Они шли уже больше часа, и к этому времени сгустилась ночь. Но луна светила достаточно ярко, чтобы не сбиться с пути.

После долгих размышлений беглецы решили как можно скорее покинуть владения Лёвенштайн-Шарфенеков. Агнес не строила иллюзий: Фридрих наверняка уже вернулся. Не застав Агнес и менестреля в крепости, граф насторожится, а по недостающим одежде и деньгам быстро догадается, что к чему. Поэтому действовать следовало быстро.

Матис и Ульрих шагали впереди по стоптанному бечевнику, при этом старый орудийщик не отпускал рукояти клинка и без конца озирался. Матис между тем вырезал себе дубинку и, точно мальчишка, со скучающим видом рассекал ею воздух. Агнес не смогла сдержатъ улыбки. С тех пор как к ним присоединился Мельхиор фон Таннинген, юноша не разговаривал, за исключением нескольких оброненных замечаний. Могло даже показаться, что он ревнует.

– И сновидения эти в самом деле начались лишь после того, как вы нашли кольцо? – спросил как раз Мельхиор.

Агнес решила рассказать менестрелю о сновидениях, кольце и загадочной главе, вырванной из хроники. С тех пор певец горел воодушевлением. Казалось, он наконец нашел тот драматический сюжет, который так долго силился найти. Мельхиор с блеском в глазах касался кольца на цепочке и что-то бормотал о новом Священном Граале.

Но и ему имена Иоганна фон Брауншвейга и его необычной супруги ни о чем не говорили. Зато он знал кое-что о монастыре Санкт-Гоар у Рейна. Во время предыдущих своих странствий Мельхиор бывал в его окрестностях. Хотя бы поэтому решение взять с собой менестреля было разумным.

– Сновидения посещали меня лишь до тех пор, пока я пребывала в Трифельсе, – ответила Агнес после некоторых раздумий. – Потом они вдруг прекратились. Как если бы сама крепость навевала их... – Она покачала головой. – Это, конечно, вздор. Все дело, наверное, в том, что Трифельс подстегивал мое воображение. Во всяком случае, так считал отец Тристан. И все-таки странно это... Все, что пережили Иоганн и Констанция, произошло в Трифельсе. Их знакомство во время посвящения Иоганна, свадьба, первые тревоги из-за кольца, покушение, бегство с ребенком... Что случилось потом, мне неизвестно.

– В хронике сказано, что Иоганн фон Брауншвейг возглавлял заговор против Габсбургов и был убит, когда пытался бежать, – заметил Мельхиор. – Вполне возможно, что и Констанция пала от рук королевских убийц.

Агнес пожала плечами.

– Что говорилось в хронике на самом деле, мы не узнаем. Отец Тристан вырвал страницы. Вот только зачем? Что же там было такого, чего никому нельзя знать?

– Та самая тайна, которую мы раскроем в далеком монастыре... Ах, как я люблю загадки! Это главная составляющая любой баллады.

Мельхиор взял в руки лютню, извлек несколько аккордов и запел тихим, высоким голосом. При этом он иногда замолкал, подыскивая подходящее слово.

Горда девица и отважны
Ее друзья – они однажды
Пустились в странствия, найти
У Рейна старую обитель
В надежде получить ответ,
Что было прежде, много лет
Назад, в Трифельсе, где чета
Была до смерти неразлучна.
Кольцо нашла девица та
Констанцы с бледного перста!
Кольцо сулит дурные сны...

Напевая себе под нос, Мельхиор задумался над следующей строкой. Агнес взглянула на него с удивлением.

– Это вы сами сочинили?

Менестрель пожал плечами.

– Конечно, многое еще следует отшлифовать, но это только начало... – Он улыбнулся. – Так вам понравилось? Я ведь уже рассказывал вам о грядущем состязании в Вартбурге... Думаю, я теперь знаю, какую хочу исполнить балладу! – Он театрально перебрал струны. – Эта песня покорит целый мир!

– Для начала она будет стоять нам жизни, – вмешался Матис. – Если вы и дальше будете так распевать, то легче просто крикнуть, чтобы нас поскорее обнаружили. Может, любезный бард позабыл, но нас преследует сотня крестьян и, возможно, очень рассерженный граф.

– Прошу прощения, вы правы, – Мельхиор повесил лютню за спину и тяжело вздохнул. – Если история хороша, мне трудно сдержаться. В особенности если она о любви или смерти.

– Последнее вы, возможно, узнаете куда скорее, чем вам хотелось бы, – заметил Матис. – Остается только надеяться, что граф еще не отправил конных ландскнехтов. На лошадях они настигнут нас очень скоро.

– Есть у меня одна идея, – объявил Ульрих и развернулся к остальным. – Пешком мы и впрямь далеко не уйдем. А вот на лодке – другое дело. За Альберсвайлером Квайх быстрый и бурный, особенно теперь, по весне. Так мы в два счета доберемся до Рейна.

– Замечательно, – проворчал Матис. – И где же нам посреди ночи раздобыть лодку? Ульрих ухмыльнулся.

– Когда есть деньги, в Васгау, если понадобится, можно хоть галеру купить. Помнишь ведь старую каменоломню перед Альберсвайлером. При ней есть небольшой порт и таверна. Поднимем трактирщика и купим самую быструю лодку, какую сможем найти, – он посмотрел на звездное небо. – Почти полнолуние, так что можно и ночью плыть. Что скажете?

– Отличная идея! – Агнес захлопала в ладоши. – К восходу мы бы уже добрались до Рейна! И может, у трактирщика еще осталось хоть по глотку горячего вина...

Она зябко поежилась и плотнее закуталась в теплый плащ своего супруга. В штанах и широкополой шляпе, скрывающей непослушные волосы, Агнес походила на бродячего подмастерья, хотя плащ мог показаться дороговатым для ее облика.

– Тогда давайте уже выбираться из этого леса, – проворчал Матис. – Пока менестрель снова не распелся.

Предложение Ульриха и надежда на глоток вина заставляли шагать быстрее. Тропа по-прежнему тянулась вдоль Квайха. В скором времени путники миновали межевой камень, подсказывающий, что они наконец покинули владения Лёвенштайн-Шарфенеков.

Агнес почувствовала странное облегчение, словно покинула заколдованные пределы. Она встрепенулась и пошла дальше. Тут ей в который уже раз показалось, как что-то прошмыгнуло среди ветвей – скорее всего, какое-то животное. Затем снова воцарилась тишина, прерываемая лишь монотонным напевом Мельхиора.

Наконец слева показались котлованы альберсвайлерской каменоломни. Широкая дорога тянулась от нее до порта, откуда камни доставляли к долине Рейна. В окнах портовой таверны еще мерцал свет, из трубы поднимался дым. Вероятно, кто-то еще был на ногах.

– Ммм... кабанятиной жареной как пахнет! Чувствуете? – прогудел Ульрих. – Может, прихватим с собой несколько ломтей? Да еще белого хлеба и бочонок пива...

Он распахнул дверь и приветственно вскинул руку. В зале, несмотря на столь поздний час, действительно сидели несколько посетителей. Трактирщик стоял со скучающим видом за стойкой и вычищал ножом грязь из-под ногтей. Он коротко взглянул на гостей и спросил, тонко улыбувшись:

– В такой час и только с дороги? Боюсь, мест больше нет.

– Спасибо, но мы не ищем ночлега, – ответил Матис. – Хотим лишь купить у вас лодку.

– Кружка меда и пара ломтей мяса тоже не помешали бы, – добавил Ульрих, бросая голодные взоры на стол посетителей.

– Лодку, значит, – трактирщик всадил нож в стойку, и клинок задрожал в столешнице. – А денег сколько у вас с собой?

– Уж на ваше дырявое корыто хватит, – вмешалась Агнес.

Слишком поздно она осознала, что голос ее для мужского был слишком высок. Мужчина за стойкой смерил ее недоверчивым взглядом.

– Лодки здесь дорогие, – с этими словами он оттянул и отпустил рукоять ножа, так что она снова задрожала. – В особенности для тех, кто является посреди ночи и куда-то торопится.

Агнес присмотрелась к нему внимательнее. У него были черные лохматые волосы и такая же неухоженная борода. Кожа была смуглая, даже загорелая, как если бы он много

времени проводил на солнце. Только теперь Агнес уловила в голосе трактирщика странный говор, непривычный для этих мест.

Посетители за столом тоже не внушали доверия. Их было четверо: грозной наружности молодчики в широкополых шляпах, покрытые шрамами. Между ними сидела девочка лет четырнадцати, до смерти напуганная. Взгляд ее беспокойно метался по сторонам. Внезапно наступила напряженная, едва ли не осязаемая тишина. Агнес почувствовала, как волосы на загривке медленно становятся дыбом.

Что-то здесь не так...

Взгляд девочки медленно скользнул к стойке. Справа, со стороны прохода, что-то вырисовывалось в тусклом свете.

То были две ноги, вокруг которых растеклась лужа крови.

В тот же миг со стороны стойки раздался пронзительный визг. Агнес повернулась на звук. Монстр, которого она увидела, казалось, сбежал напрямик из ее кошмаров. На стойке сидел маленький, волосатый демон. Он шипел и разевал рот, обнажая острые зубы. Мордочка его мнилась крошечной карикатурой на какого-нибудь старика. Демон уставился на Агнес злобными глазками и изготавился к прыжку.

– Сатана, чтоб тебя! Место!

Трактирщик дернул за тонкую цепочку, и демон, не прекращая шипеть, забрался ему на плечо. Агнес переводила растерянный взгляд с маленького дьявола на лужу крови. Трактирщик заметил это и прорычал злобно, точно волк:

– Кончайте этих троих, да графиню не упустите.

На краткий миг показалось, что время остановилось. Потом за спиной у Агнес неожиданно лязгнула сталь, и Мельхиор фон Таннинген с обнаженной шпагой устремился на сборище за столом. Мужчины повскакивали и выхватили мечи. Мясо, тарелки и стаканы со звоном разлетелись по полу. Девочка закричала и откатилась в сторону.

– Черт, это никакие не гости! Это... – закричал Ульрих.

Трактирщик выдернул нож из стойки и метнул в орудийщика. Крик резко оборвался. Ульрих в изумлении уставился на торчащую между ребрами рукоять и медленно сполз по стене на пол.

Агнес на мгновение оцепенела, потом опомнилась и бросилась к выходу, где еще находился Матис. Юный кузнец бросился было в потасовку, но тут взгляд его упал на окровавленного Ульриха. Матис в ужасе опустил дубинку.

– Господи, Ульрих! – вскричал он и бросился к своему другу. – Свиньи, проклятые свиньи!

– Тащите девчонок в лодку! – проревел главарь из-за стойки; маленький демон по-прежнему бесновался у него на плече. – Остальных убейте, и уходим. Живо!

Менестрель между тем встал посреди зала и схватился с четырьмя противниками. Серебристый клинок, казалось, сверкал в нескольких местах одновременно и, точно молния, разил нападающих. Осознав, что неприятель, хоть и невнушительного телосложения, но превосходит их, двое разбойников развернулись и бросились к выходу. Они резко подхватили Агнес за плечи. Ее шляпа слетела на пол, длинные волосы разметались.

– Пустите меня, убийцы! – закричала Агнес. – Вы... вы...

Но против крепких рук у нее не было ни единого шанса. Мужчины за волосы потащили ее к двери. Кто-то ударил ее в лицо и следом в висок. Боль была настолько сильной, что у Агнес на мгновение потемнело в глазах. Сквозь темную пелену она увидела, как Матис с ревом бросился на одного из похитителей и врезал дубинкой по затылку. Разбойник отпустил ее, но второй продолжал тащить сквозь мрак. Агнес чувствовала слякоть под ногами, река журчала все ближе.

Только... не терять... сознание...

Руки ощупали ее рубашку и плащ, вцепились в материю и взвалили девушку в лодку. Агнес почувствовала, как посудина закачалась под ней. Вниз и вверх, влево и вправо...

– Агнес, Агнес!

Это был голос Матиса. Он звал ее, но был слишком далеко. Его не оказалось рядом. Он недостижим...

– Агнес, Агнес! – снова донесся голос, в этот раз визгливо, словно кричала злобная ведьма. – Агнес, Агнес, Агнес, Агнес...

Потом молодая женщина провалилась во тьму – чернее, чем воды Квайха.

Матис увидел, как двое мужчин поволокли Агнес в сторону реки, и внутри у него что-то взорвалось. Злоба и ненависть затмили разум, переполнили до краев и вытеснили все прочие мысли. Он с ревом бросился на одного из разбойников и обрушил ему на голову дубинку. Раздался треск, точно орех раскололся.

Матис перескочил умирающего разбойника, но едва устремился за Агнес, как почувствовал жгучую боль в бедре. Его прошила стрела: из правой ноги торчало оперенное древко. Он со стоном бросился на землю и в свете луны увидел, что у пристани притаились двое мужчин и обстреливали трактир из луков. Второй разбойник тем временем дотащил свою жертву до лодки.

– Агнес! Агнес!

Матис поднялся, но тут же мимо него просвистела вторая стрела. Он снова упал на землю и откатился на несколько шагов в сторону, под защиту повозки, где стал лихорадочно соображать, как помочь Агнес и при этом самому не попасть под обстрел.

«Наверное, их послал Йокель! – пронеслось у него в голове. – В худшем случае этих бандитов там целая армия!»

Из таверны донеслись крики и звон разбитых кружек. В следующее мгновение на улицу выскочили мнимый трактирщик и один из его пособников. Главарь схватил девочку и приставил к ее горлу нож. Он осторожно огляделся по сторонам. На его плече плясало маленькое, покрытое шерстью чудище. Матису еще не приходилось видеть таких зверей.

Бородатый неожиданно развернулся к таверне. В дверях показался Мельхиор фон Таннинген с занесенной для новой атаки шпагой.

– Стоять! – прошипел главарь. – Или эта милочка захлебнется собственной кровью.

Вскинув руки, менестрель застыл на пороге. Матис между тем осторожно пополз к пристани. Темнота и несколько бочек и ящиков на берегу позволяли хоть как-то укрыться. Стрела в ногу причиняла неимоверную боль, штанина пропиталась кровью. Матис судорожно вцепился в дубинку и стал подбираться к лодке, к которой уволокли Агнес.

– Довольно прятаться за девочкой, сражайтесь как мужчина! – донесся со стороны трактира голос Мельхиора. – Предлагаю вам честный поединок.

Главарь разбойников зычно рассмеялся.

– Ты откуда такой взялся? С какой стати мне с тобой сражаться, если обе девчонки и так у меня? Мне довольно резни, что ты учинил над моими людьми в трактире.

Девочка всхлипывала. Разбойник привлек ее к себе, приставил нож точно к сонной артерии и вместе с товарищем стал продвигаться к лодке спиной вперед.

– Ни шагу, – предупредил он стоявшего в нерешительности Мельхиора. – Я и не таких юных девиц убивал.

– Неужели вы посмеете погубить слабую девушку? – изумился менестрель. – Это же недостойно рыцаря!

Бородатый хихикнул.

– Ты вообще кто такой? Переодетый священник? Или дурак, что сбежал от своего господина? Эта девка – всего-то дочка местного трактирщика, сойдет для дешевого борделя

у Рейна. Ее папаше я брюхо вспорол, он и глазом моргнуть не успел. Так с чего бы мне колебаться? На малютке все равно много не заработаешь.

– Осталась ли в вас хоть капля чести?

– Ни на грош. На честь ничего не купишь. А вот на выручку за милую графиню – пожалуй. Турки у Черного моря хорошо заплатят за высокорожденную милочку с белоснежной кожей.

Зверек у него на плече дважды одобрительно взвизгнул, как если бы понимал слова хозяина.

Пока они разговаривали, Матис все ближе подбирался к лодке. Поначалу его изумила безграничная наивность менестреля, который, точно герой собственной баллады, стоял в дверях. Но потом он заметил бегающий взгляд Мельхиора. Своими средневековыми дурачествами бард задерживал разбойников! Если Матису удастся обезвредить лучников у пристани, то Мельхиор, возможно, сумеет неожиданной атакой освободить Агнес.

– Эта графиня хранит великую тайну! – торжественно заявил менестрель. – Отпустите ее, и я поведаю вам о ней.

– Тайна, значит... Когда мы останемся с ней наедине, она мне на ушко все свои секреты нашепчет, ты уж не сомневайся... Ну, прикончите уже эту шавку!

Последние слова были обращены к лучникам. Две стрелы со свистом рассекли воздух. Мельхиор метнулся в трактир, и стрелы угодили куда-то за стойку. Матис понял, что стрелкам потребуется какое-то время, чтобы вновь натянуть тетиву. Он вскочил и, прихрамывая, с криком устремился к пристани. Точно темный ангел возмездия, кузнец бросился на одного из лучников. Хилый мужчина отшвырнул лук и с проклятием потянулся за кинжалом, но Матис уже налетел на него. Размахивая руками, разбойник с воплем полетел в реку и при этом увлек за собой Матиса. Над ними с плеском сомкнулись темные воды Квайха.

Юношу обдало холодом, все вокруг почернело. Спустя целую вечность Матис наконец вынырнул на поверхность. Краем глаза он заметил, как барахтался, захлебываясь, противник – видимо, не умел плавать. В конце концов течение поглотило утопающего и понесло прочь.

В несколько мощных гребков Матис вернулся к пристани, но лодка уже отчалила.

– Нет, нет! Агнес! Агнес!

В отчаянии он схватился за борт, но бородастый пнул его в лицо. Матис отлетел и снова погрузился под воду. Сквозь темноту до него приглушенно донесся пронзительный визг, похожий на крик злобного ребенка:

– Авак... айзру! Авак... айзеру!

Смысл слов оставался для Матиса загадкой, но и раздумывать над ними не было времени. Вода наполнила рот. Юноша яростно загребал руками, но в этот раз выплыть не получилось.

Прости меня, Агнес... Прости, что не смог тебе помочь...

Внезапно кто-то схватил его за воротник и выдернул на поверхность. Это Мельхиор свесился с пристани и с неожиданной силой вытянул Матиса из воды. В следующий миг юноша уже лежал на досках, точно выброшенная на берег рыба, отплевываясь и хватая ртом воздух.

Вместе с бардом он провожал взглядом удаляющийся во тьме силуэт. В последний раз, словно прощальной насмешкой, до них донесся визг необычного зверька.

Затем лодка растворилась во мраке, а вместе с ней и Агнес.

В течение долгого времени тишину нарушали только журчание реки и хриплое дыхание Матиса. Он был еще слишком слаб, чтобы подняться. Наконец Мельхиор отвернулся

от него и наклонился за шпагой, лежавшей на мокрых досках. Клинок с шелестом скрылся в ножнах.

– Досадно, – пробормотал менестрель. – Крайне досадно.

– *Досадно?* Вы в своем...

Матис было вскинулся, но холод и боль в ноге его остановили.

– Агнес похитили! – продолжил он с трудом. – Эти звери убьют ее и...

Мельхиор прервал его резким взмахом руки.

– Никто ее не убьет. Вы разве не слышали, что сказал этот мерзавец? Он неплохо на ней заработает. Это, судя по всему, торговцы женщинами. Граф или эти крестьяне, вероятно, направили их по нашему следу. Графиня слишком высоко ценится среди этого сброда, чтобы просто свернуть ей шею, как жирному гусю. Нужно лишь разыскать Агнес, только и всего.

Матис горестно рассмеялся.

– И как вы себе это представляете? Мерзавцы могут где угодно оставить лодку и дальше двинутся сушей! Нам ни за что их не разыскать!

– Конечно, если мы, точно обезглавленные куры, станем носиться кругами. Мы разыщем Агнес, не сомневайтесь. Даю вам слово рыцаря.

Мельхиор приложил правую руку к сердцу и приосанился. В сочетании с хлипким телосложением и съехавшим беретом это выглядело несколько странно. Вскинув голову, менестрель направился к трактиру.

– Впрочем, сейчас нам лучше заняться вашим раненым другом. Если мы еще не опоздали.

Матис вздрогнул. Ульрих! В эти минуты он и думать забыл об орудийщике. Дрожа всем телом, юноша поковылял вслед за Мельхиором и вошел в трактир.

Зал выглядел так, словно здесь похозяйничали два десятка пьяных ландскнехтов. Столы и стулья валялись, разбитые, на полу, среди них пол устлала осколками тарелок и кружек. Прямо у входа они наткнулись на труп разбойника, которого Матис прибил дубинкой. Тот лежал в луже крови, неподвижно уставившись в потолок, раскрыв рот в невыразимом изумлении. Среди останков стола лежал второй бандит: клинок менестреля рассек ему горло. За стойкой виднелось тело убитого трактирщика.

Под окном, прислонившись к стене, сидел Ульрих. Голова его клонилась вперед, руки и ноги обмякли, как у марионетки, которой подрезали нити.

Глаза Ульриха были приоткрыты, он тяжело дышал. Кинжал по-прежнему торчал из его груди, вонзенный по самую рукоять. Матис с первого взгляда понял, что орудийщику уже ничего не поможет.

– Ульрих, разве ж можно так!..

Матис осторожно приблизился к другу и соратнику, который за последний год так ему полюбился.

– Все... все будет хорошо, – прошептал он. – Я сейчас раздобуду немного пастушьей сумки и бересты, и мы...

Ульрих отмахнулся.

– Болван! Я и сам знаю, что дело мое дрянь. Смерть уже стучится ко мне. Черт...

Он прижал руку к груди. Вероятно, его терзала невыносимая боль.

– Я... я всегда знал, что так вот и закончу, – прохрипел орудийщик. – Я сын войны, рожденный от маркитантки среди трупов и мародеров. И знаю, кто жилец, а кто нет.

Он прикрыл глаза и спросил:

– Где... где Агнес?

– Эти сволочи забрали ее, – Матис прикусил губу. – Но мы разыщем ее, не сомневайся.

Ульрих кивнул, и по лицу его скользнула улыбка.

– Ты славный малый, Матис. В тебе все задатки будущего фельдфебеля. С такой головой на плечах далеко пойдешь.

Он тихо рассмеялся и неожиданно закашлялся кровью.

– Вот так трудишься всю жизнь над орудиями, а потом – раз, и тебя режет какой-то подлец... Но смерть есть смерть.

– Ульрих, не говори так!

По щекам Матиса катились слезы. Чувство было такое, словно он за какой-то год второй раз потерял отца.

– И... вот еще что... – выдавил Ульрих. – Это... связано с тем кольцом и сновидениями, которые мучают Агнес. Мне... давно следовало... рассказать. Ну... теперь, видимо, слишком поздно... Ооох, больно-то как!

Ульрих неожиданно потянулся к кинжалу в груди, обхватил рукоять, немного помедлил, а потом резким движением выдернул клинок из раны. Хлынула кровь, орудийщик тихо застонал. Наконец он завалился набок, и глаза его закатились.

– Господи, нет! Так... так нельзя!

Матис склонился над Ульрихом, но жизнь покинула старого солдата. На лице его читалось умиротворение, смерть не оставила на нем и следа боли или скорби. Юноша дрожащей рукой закрыл мертвецу глаза.

– Из глубины взываю к тебе, Господи, услышь голос мой... Да будут уши твои внимательны к голосу молитвы моих...

Услышав за спиной успокаивающий голос Мельхиора, Матис присоединился к древней молитве. При Агнес он часто ругал церковь и Папу, но теперь торжественные слова придали ему сил, помогли в минуту отчаяния.

– ...покойся с миром. Аминь.

Когда они закончили, Матис почувствовал себя немного лучше. Мельхиор склонился над ним и ощупал сломанное древко стрелы, торчащей из его бедра.

– Рана неглубокая, но ее нужно скорее обработать, иначе она воспалится. Кроме того, вам нельзя оставаться в мокрой одежде.

Только теперь Матис снова ощутил холод. Второй раз за день он нырял в ледяную воду. Поеживаясь, юноша стянул с себя рубаху. Мельхиор протянул ему свой плащ.

– Я разведу огонь и посмотрю, нет ли в доме целебных трав, – сказал менестрель успокаивающим голосом. – Правда, с рассветом, пока не появятся первые путники, нам придется уйти.

Матис молча кивнул, слишком слабый, чтобы ответить.

– Что, интересно, ваш Райхарт хотел сказать перед смертью? – задумчиво спросил Мельхиор. – Это как-то связано с Агнес и ее сновидениями.

– Что бы то ни было, рассказать он это сможет одному лишь Творцу, – выдавил Матис и закутался в плащ.

Не дождавшись иного ответа, менестрель направился к двери.

– И вот еще! – крикнул Матис ему вслед. – Тот зверь на плече у их главаря, кто это? Он походил на какого-то... демона.

Мельхиор обернулся, и губы его растянулись в тонкой улыбке.

– Он не может ни колдовать, ни изрыгать пламя, если вы об этом. Это обезьяна. На Сицилии и в Испании таких довольно много. Вообще-то они родом из Африки. Артисты и всевозможные шарлатаны любят выступать с ними по базарам.

– Обезьяна, – Матис посмаковал незнакомое слово и в который раз осознал, до чего глухо они жили среди лесов Васгау. В мире существовало столько вещей, которых он и во сне увидеть не чаял...

Измотанный, он смотрел, как Мельхиор вытаскивал мертвых наружу и раздувал угли в камине. До сих пор Матис считал менестреля забавным и чересчур мечтательным. Но теперь, когда увидел его в бою, даже проникся к нему уважением. Мельхиор оказался опытным бойцом, да и вообще производил впечатление бывалого человека. Вероятно, он единственный, кто мог теперь спасти Агнес.

Когда огонь разгорелся, Мельхиор вышел за дверь. Через некоторое время он вернулся, весьма довольный. В руке у него покачивался пучок засушенных трав.

– Вот, нашел в сарае возле трактира. Тысячелистник, подорожник и окопник. Сушились там с прошлого лета. – Бард выдержал паузу и подмигнул Матису. – И я еще кое-что нашел. Двух лошадей. Не благородные жеребцы, зато совершенно бесплатно. Трактирщику они уже вряд ли понадобятся, – он мрачно улыбнулся и поправил перевязь. – Эти мерзавцы еще пожалеют, что связались со франконским бардом и рыцарем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.